

Самый сильный из всех

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА

ЛитРес: Самиздат

Екатерина Бордон

16+

Екатерина Бордон

Самый синий из всех

«Автор»

2021

Бордон Е.

Самый синий из всех / Е. Бордон — «Автор», 2021

ISBN 978-5-532-98553-7

Зависть — жёлтая, гнев — тёмно-красный, а любовь... У любви нет цвета, но она светится. Откуда Саша это знает? Такой у неё дар: прикасаясь к человеку, девушка видит его эмоции в цветовом спектре. Именно так она узнаёт, что папа изменяет маме, а Андрей, самый симпатичный мальчик в классе, внутри абсолютно синий, ведь синий — цвет одиночества. Единственный человек, чьих цветов не видит Саша — она сама. Но как в таком случае ей понять себя? Как решить, что делать? И, главное, как помочь Андрею, когда на дне его синевы появляется пугающая чернота?

ISBN 978-5-532-98553-7

© Бордон Е., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1. Стратегии выживания	6
Глава 2. Цвет одиночества	14
Глава 3. Разговоры	21
Глава 4. Мы же были друзьями	29
Глава 5. Только не говори	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Екатерина Бордон

Самый синий из всех

Самый синий из всех

Глава 1. Стратегии выживания

Завтрак в нашей семье всегда проходит одинаково: мама накрывает на стол, Ксю азартно мусолит четвертинку яблока, а папа врёт.

– Спасибо, дорогая, – говорит он, когда мама ставит перед ним тарелку с сырниками. Она смахивает с щеки прядь кудрявых волос и улыбается, а папа улыбается в ответ. Ему почти пятьдесят, но он всё ещё красивый: высокий, светловолосый, голубоглазый. И лживый насквозь.

– Будешь сырники? – спрашивает мама.

Я сажусь за стол и молча киваю. Лучший саундтрек к моему настроению – визг, который издают ножки стула, скрипнув по полу.

– Два или три?

Вместо ответа поднимаю два пальца вверх, и на мою тарелку шлёпается пара страшненьких, но ароматных сырников. Мама говорит, в детстве я была болтушкой, так что, наверное, все слова, отмеренные мне на жизнь, уже закончились. Упс. Осталась только тишина. Тишина и, конечно, цвета.

Мама тянется, чтобы погладить меня по щеке, но я уворачиваюсь. Она грустно вздыхает, и порция ласки достаётся Ксю. Сестрёнка радостно стучит пухлыми ножками и выпускает на свободу гроздь слюнявых пузырей. Пф-ф-ф, вот смешная! Маленький вечный двигатель, стусок чистого счастья и неутомимый генератор слюней. Я наклоняюсь к ней, чтобы прикоснуться, но замираю, услышав папин голос:

– С каких пор за этим столом сидят в шапке?

Он говорит спокойно, но всё вокруг замирает. Его голос – как заклинание, после которого кухня вдруг проваливается куда-то в параллельный мир. Авада-Тихо-Всем! Мамина спина становится неестественно прямой, и даже масло на сковороде как будто начинает шипеть осторожнее.

– С этих, – так же спокойно отвечаю я.

– Так.

Папа откладывает вилку, и в тишине едва слышный стук металла о деревянную столешницу звучит как гонг. Сигнал к наступлению.

– Сними шапку или выйди из-за стола.

Сырники пахнут творогом, уютом и немножечко детством. В животе всё урчит и настойчиво требует еды, но я не собираюсь уступать. Только не ему.

Стиснув зубы, я встаю так резко, что стул с грохотом падает на пол. Ксю испуганно вздрагивает и начинает плакать. Мама тут же берёт её на руки, а я хватаю рюкзак и бросаюсь в коридор. Десять секунд, чтобы сорвать с крючка и натянуть на себя ветровку, двадцать – чтобы сунуть ноги в разболтанные кеды, и пять – чтобы смахнуть в карман связку ключей, лежащую на тумбочке.

– Саша! – кричит из кухни мама.

Я оглушительно хлопаю дверью и бегу вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Иногда убежать – единственный способ спасти себя.

Уж я-то знаю.

– Эй, куда прёшь?

Та-дам! И вам доброго утра. Какой-то бугай-старшеклассник толкает меня с такой силой, что рюкзак падает на пол. Охранник, заметив это безобразие, переворачивает очередную страницу в сборнике сканвордов. Я на него не в обиде. Более того, я прекрасно его понимаю. Школа

– это такое место, где никто не бывает собой. Здесь как в мире животных – у каждого своя стратегия выживания.

Моя – притворяться мёртвой.

Лапки вверх, и если повезёт, хищники пробегут мимо. Никому не интересно издеваться над жертвой, которая не подаёт признаков жизни. А я... о, я довела этот талант до совершенства. Моя суперспособность – быть суперневидимкой!

Я сижу на последней парте первого ряда возле окна, которое в тёплые дни открыто настежь. В такие моменты я понимаю, как чувствует себя аквариумная рыбка, ведь стекло оказывается прямо передо мной. И мир вокруг странно искажается... Блоп-бульк. Блоп. Блоп.

Хотите знать, насколько ещё я крута? Ок. Периодически о моём существовании забывают даже учителя. Пару дней назад Анна Викторовна сделала мне выговор за прогул биологии, на которой я на самом деле присутствовала! Точнее, тело моё присутствовало, а где были мозги и всё остальное... Не знаю. Я почти не слушала её вдохновенные речи про строение клетки. Зато успела нарисовать в блокноте историю приключений бородавки, которую заметила на шее у одноклассника за партой справа.

Жизнь у неё, скажу вам, получилась поинтереснее моей.

Сегодня всё как обычно. Я захожу в класс, и ничего не меняется. Никакой немой сцены, в которой все как по команде поворачиваются ко мне. Люди заняты своими проблемами, и никому нет дела до меня. Лера сидит на парте, как на троне, и болтает в воздухе стройными ногами. Марина и Оксана, как и положено свите, громко восхищаются её красотой. Мальчики старательно делают вид, что не замечают их, а девочки включили режим Хатико и ждут Андрея. Он у нас что-то вроде местного принца и...

– Эй, ты заходишь?

Кажется, я так и застыла в дверях класса, мешая другим пройти. По крайней мере, Андрею. Он стоит за моей спиной и улыбается. Глаза у него серые, с тёмным ободком, а в русых волосах запутался солнечный луч.

– Ты прямо как кот. Ну, знаешь, есть у них такая привычка. Встать в центре прохода и стоять.

Я молчу.

– Твой так не делает?

– У меня нет кота.

Не знаю, почему, но он смеётся. А потом немного наклоняется ко мне, словно собирается рассказать какой-то секрет, и шёпотом говорит:

– Знаешь, как будет «кис-кис-кис» по-болгарски? «Мац-мац-мац».

Пару секунд я просто моргаю, а потом вжимаюсь в стену и пропускаю его вперёд. Андрей проходит в класс, и вокруг сразу становится оживлённее, будто кто-то прибавил на максимум яркость и звук. Не знаю, как он это делает, но мир всегда крутится вокруг него.

А ещё, кх-м, он очень приятно пахнет. Чем-то хвойным и свежим. Мне нравится.

Я сажусь на своё место и смотрю в окно. Дворник подметает спортивную площадку, люди спешат на работу, земля со скрипом вертится вокруг своей оси, а я не думаю об Андрее. Не думаю, не думаю, не думаю...

Интересно, не устаёт ли он всегда быть в центре внимания?

Уроки тянутся бесконечно, космически долго. И даже ещё чуть-чуть. Я рисую в блокноте разные каракули: крылья, чьи-то губы, цветы, кисти рук – вот это вот всё. Географичка устало бубнит про Африку и, кажется, сама себя не слушает.

– Бу-бу-бу... за чертой бедности... бу-бу-бу... уровень жизни... бу-бу-бу...

За партой передо мной сидят Егор и Оксана. Учебник у них раскрыт не на той странице, но это и не важно. Они всё равно используют его только как ширму и самозабвенно целуются.

Я смотрю, как Егор заталкивает язык Оксане в рот, и кривлюсь от отвращения. Это выглядит омерзительно, фу. Но Оксане, кажется, нравится. Наверное, она просто не в курсе, сколько чужих микробов только что поселилось у неё во рту.

Для справки: за десять секунд поцелуя от одного партнёра к другому переходит восемьдесят миллионов бактерий.

Когда звонок наконец звенит, я почти готова аплодировать. Сладкая парочка нехотя распадается на две самостоятельные, хоть и слегка ошалевшие половинки. Егор обводит мир вокруг мутным взором и, к несчастью, натывается на меня. Ухмыльнувшись, он опирается локтями на мою парту и демонстративно цокает языком. Манжеты его толстовки засалены и потёрты, как у бродяги.

– Что, Мацедонская, завидно?

Оксана дёргает его за рукав и шипит что-то сердитое. Она косится на меня, и я впервые замечая, что глаза у неё голубые-голубые. А губы опухли от поцелуев...

– У тебя парень-то был когда-нибудь? – продолжает Егор. – Нет? Ну не теряй надежды, чо. Ха-ха-ха, каждой твари по паре! Где-нибудь точно живёт второе такое убожество.

Отовсюду раздаются смешки. Одноклассники начинают потихоньку стягиваться поближе, а я опускаю голову так низко, что шапка почти полностью сползает на глаза. Не трогайте меня, не приближайтесь...

Интересно, бывает ли клаустрофобия от того, что вокруг слишком много людей? Если нет, то я – первая.

– Эй, язык проглотила?

Я наклоняюсь и складываю учебники в рюкзак. Дёргаю молнию, но её, как нарочно, заело. Дёргаю-дёргаю-дёргаю...

– Ты меня бесишь, Мацедонская.

Чёртова молния!

– Зачем ты шапку напялила, а? Это типа какой-то акт протестантства?

Не удержавшись, я поправляю:

– Протеста.

– Что?

– Правильно говорить «акт протеста», а не «протестантства». Протестантство – это такая религия.

Егор вспыхивает. Все вокруг смеются, и каждый смешок – как пощёчина его непроходимой тупости. Я тоже улыбаюсь – едва заметно, только уголками губ.

– Чо ты ржешь, дура? Тебе смешно?

Выбросив руку вперёд, Егор вдруг сдёргивает шапку с моей головы. Так быстро, что я успеваю только ахнуть, и волосы рассыпаются по лицу. Они у меня тёмные, почти чёрные. И только прядь у лица со вчерашнего дня – синяя-синяя.

– Это что за фигня? – гогочет Егор. – Ты типа эмо? Сменила стиль? Бг-г-г, беру свои слова назад, Мацедонская. Лучше надень её обратно!

Класс содрогается от смеха. Точно, это же шутка века. Я торопливо набрасываю на голову капюшон толстовки и затягиваю тесёмки так туго, как только могу. Мир сужается, сердце сжимается, Егор злобно щурится. Брови у него даже не светлые, а какие-то бесцветные. А над правым глазом шрам, почти как у Гарри Поттера.

– Почему синий-то? Если тебе кажется, что он тебе идёт, то тебе только кажется!

Все опять смеются, а я мысленно возвожу вокруг себя стену. Кирпичик за кирпичиком. Вижу каждую щербинку, каждую крупинку цемента.

– Знаешь что, сделаю тебе одолжение – избавлюсь от этой дряни. Только ради тебя.

Подхватив пакет с учебниками, Егор вразвалочку идёт к двери. Демонстративно выкидывают мою шапку в мусорное ведро и довольно потягивается, словно только что справился

с важной работой. Оксана бросает на меня виноватый взгляд и, прижав к груди сумку, бежит за ним следом.

Представление окончено, зрители расходятся.

Я складываю руки на парте и упираюсь в них лбом. Смотрю на сетку царапин-морщин, покрывающих парту. Упрямо кусаю губу и дышу.

Помните про стратегию «притворяться мёртвой»?

Ни черта она не работает.

Последний урок на сегодня – физра, и это хуже, чем ужасно. Дело даже не в запахе грязных носков (да, у девочек ноги тоже воняют). Просто все эти голые локти, все эти дурацкие игры, во время которых нужно пихаться, толкаться и трогать друг друга... Бр-р-р.

– Македонская, быстро разминаться!

Я вскакиваю со скамейки, безжалостно стягиваю волосы резинкой и каплей вливаюсь в ручей одноклассников. Мы бежим стандартные десять кругов, а Макарыч ритмично свистит в свой свисток. Была бы у него плётка, он бы точно щёлкал ею о пол. В чёрном спортивном костюме, с выпирающим полнолунием брюшка, физрук похож на усталого дрессировщика с обвисшими усами. Цирк уехал, а Макарыча не взяли... Может, он поэтому всегда такой недо-вольный.

– Десятый «В», ну давайте поактивнее, ё-моё!

В спортзале пахнет футбольными мячами, потом и штукатуркой. У одной стены кучей свалены маты, возле другой сгрудились лавочки. Наверное, у первоклашек опять были какие-то соревнования типа «Весёлых стартов», а Макарычу просто лень за ними прибраться. Наш спортзал вообще почти всегда похож на помойку, но до этого, кажется, никому дела нет. Включая меня.

На восьмом круге большая часть бегунов сдувается. Кое-кто переходит на шаг, а Макарычу надоедает свистеть в свисток. Он обречённо взмахивает рукой и падает на скамейку, бормоча себе под нос ругательства. Интересно, какого он сейчас цвета...

– Привет.

Я поворачиваю голову влево и с удивлением вижу Оксану, подружку Егора. Она бежит, прижав скрещенные руки к внушительной груди. Из-за размера бюста мальчишки в разговорах между собой часто зовут её Сиськозавр или Сисястый монстр. Словно она не человек, а приложение к лифчику.

Вежливо киваю и замедляюсь, пропуская её вперёд: говорить-то нам не о чем. Вот только Оксана тоже переходит на шаг, и некоторое время мы идём рядом: я, она и ватное чувство неловкости между нами.

– Мальчишки такие дураки, – с нервным смешком выпаливает вдруг Оксана.

И вот тут я с ней согласна. Хотя бы потому, что за всё то время, что они с Егором обжигаются перед моей партой, он ни разу не спросил, какую музыку она слушает, какие книги читает или, ну не знаю... о чём мечтает. Зато всё время пялится на её грудь и постоянно пытается облапать.

Мне вдруг хочется задать ей какой-нибудь вопрос.

– М-м-м, у тебя есть любимая книга?

Оксана быстро отводит взгляд от синей пряди в моих волосах и пожимает плечами:

– Не знаю. Я мало читаю. Наверное... наверное, «Гарри Поттер», но его все любят.

Я издаю тихий смешок, вспомнив про шрам Егора. Да уж, ирония... Оксана смотрит на меня непонимающе, и я торопливо добавляю:

– Думаю, Распределяющая шляпа отправила бы тебя в Пуффендуй.

Я говорю это только из вежливости, чтоб поддержать разговор. Но Оксана от моих слов расцветает в улыбке.

– Вот и Егор так говорит! – радостно восклицает она. А затем быстро облизывает губы и нервно шепчет. – Ты не обижайся на него, ладно? И не жалуйся учителям, что он тебя... Ну, словом, что он... Ты же понимаешь, да? Пожалуйста. Его могут выгнать из школы. Я с ним поговорю, обещаю. Только не рассказывай никому, ладно?

– Ладно, – отвечаю я.

Оксана снова улыбается и заправляет за ухо прядь рыжеватых волос, которая вырвалась на свободу из-под резинки и прилипла к щеке. Кажется, она ещё что-то хочет сказать, но нас прерывает Лерин окрик:

– Окси, иди к нам!

Оксана бросает на меня встревоженный взгляд и покорно бежит на зов подружки, пробормотав на прощанье тихое «ладно, пока».

– Пока, – говорю я её спине. На душе противно, словно кто-то положил на грудь тяжёлый, набитый мусором пакет. Признаюсь, на минуту – только на одну! – я и правда подумала, что она просто поболтать со мной хотела. Может, даже подружи...

Макарыч едва не оглушает нас громким свистом и, не отрываясь от блокнота со списком класса, командует:

– Так, дуйте на канат теперь.

Только не это! По спортивному залу проносится рябь ужаса, а Макарыч закатывает глаза.

– Ой, всё инвалиды, хватит жаловаться, – он хмурит редкие брови и наклоняется, чтобы завязать шнурок. Резинка спортивных штанов разрезает толстый живот на две половины. – Нормативы есть нормативы. Надо их сдавать. А то вырастет из вас кисель, у которого силушки хватит только кнопки в телефонах тыкать.

Довольный своей шуткой, Макарыч радостно хрюкает. Для справки: никаких кнопок на телефоне давно уже нет.

Первыми на канат лезут ребята. Я за ними почти не слежу: вытираю потные ладони о коленки и придумываю трактат под названием «Тысяча и один способ избежать неизбежного». Что же делать...

– Давай, кисель!

Голос рядом с ухом звучит так громко, что я в испуге отшатываюсь. Сначала мне кажется, что Стас, парень с бородавкой, говорит это мне, но смотрит он на Егора. Тот хватается за канат, подтягивается вверх, дышит шумно, словно паровоз. И почти сразу соскальзывает вниз.

– Я думал, ты качок! – гогочет Стас. – Ха-ха-ха!

Егор багровеет от досады и бросает в нашу сторону полный злобы взгляд. Выглядит он не слишком-то хорошо: стоит, странно сгорбившись, и держится за бок. Ребята продолжают улюлюкать, и Егор снова хватается за канат. Напрягается так, что вены вздуваются на шее и висках. И всё равно поднимается не больше, чем на пару метров. Раздаётся свисток Макарыча:

– Следующий!

Егор прыгивает на пол. Мальчишки со всех сторон атакуют его смешками, и на мгновение мне кажется, что он вот-вот набросится на них с кулаками. Оксана обнимает его и шепчет что-то утешительное, нежное, но Егор отталкивает её и тяжёлой походкой идёт к скамейкам. Он больно задевает меня плечом, явно нарываясь на ссору, но я даже не смотрю в его сторону. Чувствую, как он сверлит меня взглядом, но не реагирую.

– Тупая овца, – бормочет Егор. Он плюхается на скамейку и прикрывает глаза согнутой в локте рукой, словно его слепит солнце. Из-под рукава футболки выглядывает жуткий синяк: фиолетовый, с жёлтыми краями. Я почти ловлю за хвост какую-то важную мысль, но радостные крики меня отвлекают.

Я поворачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть, как ловко Андрей забирается вверх по канату. Мышцы на его плечах напрягаются, руки легко подтягивают тело выше, выше, к самому потолку!

– Следующий! – кричит Макарыч.

Андрей ловко скользит вниз, а, когда до пола остаётся метра полтора, вдруг отпускает канат и спрыгивает. Полёт длится всего-то секунду, но я всё равно успеваю представить крылья у него за спиной: только почему-то не птичьи, а такие, какие бывают у бабочек. С растрёпанными волосами, в футболке, пузырящейся за спиной, он кажется таким свободным и беззаботным!

С глухим стуком кроссовки Андрея приземляются на обшарпанный пол. Одноклассники встречают его аплодисментами, и даже Макарыч качает головой с улыбкой. Андрей шутливо раскланивается:

– Не толпитесь, народ! Кому автограф?

Лера почти выскакивает из шорт и восторженно верещит. Длинный блондинистый хвост за её спиной раскачивается из стороны в сторону, словно флаг на ветру. Такой, который втыкают в завоёванную территорию.

Звонок звенит как раз в тот момент, когда все мальчишки проходят «испытание канатом», а Макарыч снова берётся за свисток. Девочки облегченно выдыхают, и я вместе с ними. Становится посмешищем второй раз за день – это точно выше моих сил.

– Инвалиды и тунеядцы, – горестно вздыхает Макарыч. Он просовывает руку под футболку и чешет живот. – Ладно, девчонки, в четверг начнём с вас.

Я сглатываю. Знаете, как это называется? Отсрочка перед казнью.

– Есть кто дома? – я бросаю связку ключей на тумбочку. Та приземляется рядом с подсохшей кожурой от мандарина и маминым кошельком, а я снимаю кеды, безжалостно сминая задники. Обувная анархия!

На звук моего голоса из комнаты приползает радостная Ксю. Я сажусь по-турецки прямо в коридоре и прижимаю сестрёнку к себе. Она вся – свет. Я впитываю его, словно у меня в руках маленькая батарейка, и растворяюсь в её простоте. Знаю, младенцы обычно отвратительны, но мне Ксю нравится. Понравилась с самого первого дня. Она очень мало кричала (или это я так крепко сплю?) и вообще доставляла нам с мамой минимум хлопот. Я подвешивала на её мобиль разноцветные лоскутки, и она могла часами рассматривать их, пока не уснёт.

– А-гву-у-у, – радуется Ксю, обдавая мою любимую толстовку Ниагарским водопадом слюней. Мама говорит, они перестанут литься таким неистовым потоком, как только у Ксю прорежутся оставшиеся зубы. Но я, если честно, даже не представляю её с сухим подбородком.

– Вот вы где, – мама с улыбкой выглядывает из кухни. На ней лосины и длинная футболка, кудрявые волосы скручены в пучок. Несколько прядей выбилось, и теперь её голова окружена пушистыми пружинками. Это смешно, потому что выглядит она так, будто наш тостер только что ударил её током. – Макароны или картошка?

– Кошелёк или жизнь?

– Кошелёк, – отвечает мама немедленно. В её глазах прыгают смешинки.

– Макароны, – подхватываю я.

Мама кивает, всё ещё продолжая улыбаться, и скрывается на кухне. У нас она совмещена с гостиной, и это даже удобно, но только до тех пор, пока я не пытаюсь готовить. Кажется, у меня к этому нет никакого таланта. Яичница за считанные секунды превращается в обугленный картон, а про скользкий комок спагетти я вообще молчу. Буэ.

Ксю наконец сползает с моих рук, и я отправляюсь в свою комнату, лавируя между манежем, горами наглаженного белья и разбросанными по полу игрушками.

– Как дела в школе? – спрашивает мама, перебивая громыхание посуды.

– Нормально, – отвечаю я, падая на кровать. Это несложно, учитывая, что от двери до неё всего один шаг. Хоть какая-то польза от моего лилипутского роста... Полтора метра с кепкой – идеальный рост, чтобы чувствовать себя в крошечной комнатке полноправной хозяйкой, а не узницей подвала. Помимо кровати сюда влез только письменный стол, принтер и что-то типа сундука, где я храню личные вещи. Ещё полки с книгами, половинка окна и, конечно, карта желаний над кроватью. Это такая пробковая доска, к которой я прикрепляю кнопками то, что мне нравится, что меня вдохновляет. Как хорошо, что мечтам много места не нужно! Здесь, по большей части, картинки с Пинтереста и фотки, которые я сделала на смартфон. Пара открыток. Несколько распечатанных на принтере цитат. И конечно, рисунки.

Я нашариваю на полу рюкзак и на ощупь нахожу в его недрах ручку и блокнот. Пальцы сами начинают двигаться по бумаге, и я нехотя им подчиняюсь. Вот прямая линия челюсти, раковина уха... Я ведь не должна его рисовать, и всё же... А волосы у него зачёсаны направо или налево? Кажется, направо. Я рисую родинки – одну под глазом, а другую чуть выше, возле скулы, губы и глубокую ямочку под носом. Получается так правдоподобно, что я краснею. У него красивые губы. А глаза глубоко посаженные, внимательные, с искрами смеха и бликами солнца.

Интересно, каково это – быть таким свободным и нормальным?

Мама распаковывает дверь, и я торопливо захлопываю блокнот, заваливая его всяким хламом: учебниками, тетрадями, мятыми бумажками.

– Обед готов.

– Я же сто раз просила стучаться!

Пренебрежительно помахав в воздухе рукой, мама закрывает дверь, а я вырываю листок из блокнота. Если кто-то его найдёт, будет конец света. Но и выбросить жалко... Оглянувшись по сторонам, я прячу рисунок под картинку с китом, пришпиленную к карте желаний. Пусть пока побудет там, спрятанный от чужих глаз рядом с моей любимой цитатой из Вербера:

«Мы должны признать очевидное: понимают лишь те, кто хочет понять».

На обед макароны с сосисками, которые мама называет «спагетти а-ля колбасьон». Я прыскаю от смеха, и она тоже улыбается. Такой у неё дар: всё самое скучное и обыденное превращать в весёлое и интересное. Когда мы только переехали в эту квартиру, здесь были голые стены и пара матрасов на полу. Даже холодильника не было! Продукты висели в пакете за окном, и каждый раз мама позволяла мне тянуть за верёвку, чтобы втащить их в комнату. В детстве это казалось настоящим приключением.

А ещё она разрешала рисовать прямо на стенах. Помню, как я плакала, когда рисунки скрылись под обоями, а мама тихо прошептала мне на ушко: «Тс-с-с, может, их и не видно, но мы-то знаем, что они там. Это секрет». Секрет...

– Приём, Аполлон-1, запрашиваю стыковку!

Я вздрагиваю, а мама смеётся.

– Макароны на вкус вполне ничего, так что я не принимаю твоё мрачное настроение насчёт моих кулинарных способностей. Проблемы в школе?

Я качаю головой и быстро запихиваю остатки макарон в рот, загребая вилкой, как экскаваторным ковшом. Мне совсем не хочется начинать разговор по душам. Совсем-совсем-совсем.

– Спасибобылооченьвкусно, – заверяю я с набитым ртом.

Мама грустно усмехается и убирает мою тарелку в раковину.

Остаток дня я слушаю музыку и листаю «Кубок Огня». Вечером мне становится немного одиноко, так что я, прихватив учебники, выглядываю из комнаты. Ксю спит в коляске прямо в центре комнаты, а мама сидит на диване, устало откинув голову назад. Выглядит такой худой и одинокой... Я осторожно сажусь рядом, чтобы не разбудить её, но она и не спит. Поворачивает голову и смотрит на меня в полутьме долго-долго. А я на неё. Мы говорим без слов. И обнимаем друг друга без рук. Мама протягивает ко мне ладонь и осторожно касается пальцами синей пряжки. Тело инстинктивно напрягается, но до моей кожи она не дотрагивается.

– Это что-то значит? – тихо спрашивает мама.

– Да, – так же тихо отвечаю я.

– Расскажешь?

– Нет.

Мама какое-то время молчит, и мне становится неловко.

– Извини, – робко добавляю я. – Это не потому, что я что-то скрываю именно от тебя. Просто я – это я.

Мама кивает.

– Ты ведь знаешь, что можешь мне всё рассказать? – после паузы спрашивает она.

Сердце сжимается. Несказанные слова подрагивают на губах, вибрируют, словно потревоженный улей пчёл. Я открываю рот, чтобы выпустить их на свободу, но не издаю ни звука. Я не могу. Просто не могу. А потом за дверью звенят ключи, раздаётся щелчок замка, и папа входит в квартиру. Момент упущен.

– Ку-ку! – громко басит он, не заботясь о том, что Ксю может проснуться.

Мама вскакивает с дивана и спешит ему навстречу, а я, подхватив учебники, скрываюсь в своей комнате. Так всегда: она как подсолнух, а он как солнце. Интересно, я тогда кто...

Ночью мне чудится, будто кто-то накрывает меня одеялом. Я разлепляю глаза и сонно жмурюсь в темноту, но никого рядом нет. Только с тихим щелчком закрывается дверь.

Показалось?

Глава 2. Цвет одиночества

Посмотрим правде в глаза: в школе всегда хочется жрать.

Поэтому на большой перемене толпа школьников превращается в неуправляемое месиво рук, распахнутых ртов и столовых приборов. Я тоже чувствую себя, словно не ела как минимум сутки. И всё-таки жду, пока поток схлынет. Захожу в зал одной из последних и лавирую между столиками, засунув руки поглубже в карманы.

Наш класс всегда занимает ряд в центре столовой, и, вот же чёрт, сегодня пустой пластмассовый стул находится только за столиком Леры. Склонив голову набок, она наматывает на палец кончик хвоста. Марина бурно жестикулирует и громко рассказывает ей какую-то историю, а Оксана дописывает домашку по английскому. Судя по нахмуренным бровям и следам зубов на карандаше, получается у неё не особо. Я могла бы помочь, вот только...

Натянув на лицо вежливую улыбку, я проскальзываю на свободное место и утыкаюсь носом в тарелку с остывшим пюре, котлетой и могильным холмиком капустного салата. Щебет Марины тут же сменяется трагичным молчанием (ещё бы, разве можно представить себе что-то более ужасное, чем обед в моём обществе?). Она бросает быстрый взгляд на Леру и в мгновение ока копирует выражение её лица: брезгливо сморщенный нос и поджатые губы.

– Что-то у меня пропал аппетит, – голос у Леры сладкий и мерзкий, как микстура от кашля.

Аппетит и у меня пропал, но я всё равно зачерпываю ложкой капустный салат и ожесточённо перемалываю его зубами. Думай о витаминах, думай о витаминах...

Тихо фыркнув, Лера поднимается на ноги и уходит, оставив на столе нетронутую тарелку с едой. Очевидно, ей никто не сказал, что в столовой каждая принцесса убирает за собой сама.

Судя по возне под столом, Лерины подружки пихают друг друга ногами и судорожно пытаются принять самостоятельное решение. Без Леры им это явно даётся с трудом. Но в итоге снобизм побеждает со счётом два-ноль: обе решают пожертвовать пищей. Шаркают стулья, громко вздыхает Марина, чья-то вилка со звоном падает на пол.

Я поднимаю взгляд и смотрю на Оксану. Она торопливо запикивает в сумку тетрадь, карандаш и стёрку. Очередь доходит и до кошелька со смешной кошачьей лапкой вместо застёжки, но тот выскальзывает из её руки и падает на пол. Лапка поднимается вверх, и – звень, звень, звень – монетки разлетаются в разные стороны, а карточки веером рассыпаются вокруг стола.

Охнув, Оксана опускается на корточки и начинает быстро их собирать. Я тоже подбираю пару монет, которые притаились за ножкой соседнего стула.

– Спасибо, – лепечет Оксана. Марина у неё за спиной нетерпеливо переминается с ноги на ногу и даже не пытается помочь. Подруга, ага.

Я замечаю возле Оксаниной туфли какой-то блестящий квадратик и с деланным равнодушием говорю:

– Ещё под пяткой что-то.

Крутанувшись на носках, Оксана так быстро накрывает квадратик рукой, что едва не вписывается лбом в угол стола. Щёки у неё становятся пунцовыми. И только тогда до меня доходит, что это был за квадратик. Упс. Презерватив.

Так и не взглянув на меня, Оксана бросается вон из столовой. Надо же... Я ковыряю пюре вилкой и стараюсь не думать про, кх-м, «это самое». Не то чтобы я никогда вообще о таком не думала, просто я ведь даже не целовалась ещё. Для меня это... сложно. Э-э-э... словом... гм-гм... Ой, всё, проехали!

От самовозгорания меня спасает тихий треньк сообщения, в котором мама просит купить по дороге домой масла и молока. Уф, проза жизни – лучше любого огнетушителя. Я облегчённо вздыхаю и отвечаю ей деловитым «ок, будет сделано».

Я как раз встаю, когда на соседний стул плюхается незнакомый парень с растрёпанными тёмными волосами. У него узкое лицо с острым носом и россыпью похожих на веснушки прыщей, а на худых плечах болтается совершенно безумная футболка. Выглядит так, словно единого рога вырвало радугой.

– Будешь доедать? – спрашивает он, ткнув пальцем в нетронутую порцию Леры.

Я недоумённо качаю головой. Кажется, он не из нашей школы.

– Прекрасно, – удовлетворённо кивает незнакомец. Он хватает вилку и с невозмутимым видом вонзает её в котлету. Пальцы у него очень длинные и артистичные. Мне сразу хочется их нарисовать.

Два укуса – и от котлеты не остаётся даже воспоминаний. Парень вытирает рот тыльной стороной ладони и задумчиво, почти мечтательно смотрит в мою тарелку.

– Хочешь и мою тоже? – подшучиваю я.

– Класс, спасибо!

Длинные пальцы, которыми я любовалась мгновение назад, впиваются в котлету и шлёпают её на кусок чёрного хлеба. Парень с явным наслаждением поедает бутерброд, а я пока пытаюсь встроить его в свою картину вселенной. Заметив мой шокированный взгляд, он шумно сглатывает и протягивает остатки еды:

– Извини, хочешь кусочек?

Я не отвечаю. Закидываю за спину рюкзак и спешу вон из столовой, на ходу натягивая капюшон.

– Классные волосы! – кричит незнакомец мне вслед.

Вот же придурок.

На алгебре мы начинаем новую тему – тригонометрические уравнения, но я совершенно не могу сосредоточиться: тень Макарыча со свистком маячит где-то за спиной, а вместо хлыста у него канат. И прогулять не вариант... В конце триместра этот садист заставляет нас сдавать все пропущенные нормативы, что ещё хуже. Лучше уж позориться вместе со всеми, чем одной.

Умом я понимаю, что выхода нет, и всё-таки перебираю в голове бусины идей. Возможно, мне бы даже удалось что-то придумать, но Оксана и Егор так яростно перешёптываются, что сосредоточиться не получается.

Вот Егор кладет руку Оксане на бедро. Пальцы у него толстые, с заусенцами вокруг плоских ногтей. Оксана смахивает его ладонь и мотает головой так, что волосы хлещут по щекам. Егор повторяет своё движение, только на этот раз впивается в её бедро, сдавливая кожу. Оксана дёргается, и мне почему-то тоже становится больно.

Под партой я с силой ударяю ногой по ножке стула, стоящего впереди. Егор испуганно подпрыгивает и убирает руку, а Оксана, всхлипнув, отодвигается. Алгебраичка Юлия Олеговна сердито шипит в нашу сторону. Мы склоняемся над тетрадами.

Остаток урока проходит без происшествий. Но как только звенит звонок, Егор разворачивается ко мне, и взгляд его не предвещает ничего хорошего.

– У тебя какие-то проблемы?

Я пожимаю плечами. Вскидываю, намереваясь выскользнуть из кабинета, но Егор тут же встаёт у меня на пути, загородив проход между партами. Натянута на плечах рубашка хорошо подчёркивает мускулатуру, а воротничок сжимает мощную шею.

Я невольно отступаю.

– Я спрашиваю, у тебя проблемы какие-то?

– Нет.

Некоторые люди – как консервы из злобы и ненависти.

– Тогда ноги свои держи при себе, ясно?

– Ясно.

Оксана похожа на тряпичную куклу: сидит, ссутулившись, и в нашу сторону даже не смотрит. Мне хочется подать ей какой-то знак, но Егор делает ещё один шаг вперёд, и я, не удержавшись, ставлю между нами стул.

– Не слышу извинений, – рявкает Егор, ногой отшвыривая стул со своего пути. С грохотом, похожим на выстрел из пушки, тот падает на пол, а я лепечу:

– Извини.

– Не слышу!

Я зажмуриваю глаза. Почти вижу, как его кулак летит мне в лицо. Почти чувствую, как он с хрустом врежется в переносицу, дробит тонкие косточки, превращает их в месиво и...

– Эй, на литру не опоздаете?

Кто-то ненавязчиво толкает меня плечом чуть в сторону. Я открываю глаза и вижу спину Андрея. Он стоит между мной и Егором: руки в карманах, но поза обманчиво расслаблена. Я-то чувствую, как он напряжён. Парни молча буравят друг друга глазами. Егор едва не скрипит от злости зубами:

– Не лезь.

Я жду, что Андрей в ответ скажет что-то шутовское или, напротив, угрожающее. Но он только протягивает руку и кладёт её Егору на плечо:

– Раньше ты таким не был.

Резким движением Егор сбрасывает руку Андрея и грохает кулаком по парте. Дышит он тяжело, со свистом. Молчание кажется затишьем перед бурей. Устроит драку? Наорёт? Или... Егор отталкивает парту с такой силой, что она ударяется о стену, и почти бегом покидает класс.

– Ты как, нормально?

Я нервно сглатываю и открываю рот, чтобы ответить, но вдруг понимаю, что Андрей говорит не со мной, а с Оксаной. Она кивает и порывисто обнимает его за шею. Лицо у неё мокрое от слёз. Кажется, она что-то ещё говорит ему, но мне не слышно. Андрей кивает. Порывшись в сумке, Оксана отдаёт ему какой-то пакет и, не обернувшись, выходит из класса.

Я опускаюсь на корточки, чтобы собрать упавшие на пол от удара учебники и тетради. А заодно немного прийти в себя.

– Кажется, это твоё, – говорит Андрей, рассеянно бросая пакет на парту. – Пока.

Он задумчиво щиплет себя за губу и хмурится, а затем выходит вслед за Оксаной. Я выдыхаю. Сердце испуганно таранит рёбра, руки немного дрожат, а в мыслях смятение. Что это значит? Что происходит?

Класс понемногу заполняют семиклассники, так что мне приходится взять себя в руки и кое-как подняться на ноги. Уже у дверей я спохватываюсь и возвращаюсь за пакетом. В нём оказывается шапка: чистая и выглаженная. Моя. Та самая, которую Егор недавно выбросил в ведро.

Знаете, как мы зовём учителя литературы? Тор. У него широкое лицо с густыми бровями, спутанная рыжая борода и руки, просто созданные для того, чтобы размахивать молотом. Только дружелюбная улыбка не вписывается в божественный портрет: с ней он похож на добродушного великана. Которого, на всякий случай, лучше всё-таки не злить.

Когда я вхожу в кабинет литературы, Тор как раз пишет что-то на доске. На нём тёмно-зелёный пиджак с закатанными рукавами, а волосы собраны в маленький пучок на затылке. Хрусть! Мелок в огромных пальцах ломается, и Тор сердито шипит сквозь зубы:

– Вот же чёрт!

Я с трудом проглатываю смешок. Молот и правда подходит его пальцам лучше, чем хрупкий кусочек школьного мела. Тор испуганно оборачивается, и настороженное выражение на его лице сменяется широкой ухмылкой:

– Вы ничего не слышали. Этот мелок меня подставил.

– Могила, – серьёзно отвечаю я, проводя пальцами по губам, словно застёгиваю молнию.

Тор – единственный человек в школе, с которым мне легко. Он ровно такой учитель, о котором обычно мечтают: не кричит, не душит дурацкими тестами и, что даже важнее, разрешает иметь своё мнение. Он не считает меня чокнутой, или глупой, или странной. Впрочем, возможно, ему просто нет дела ни до чего, кроме книг. Но меня и такой вариант устраивает.

Я сажусь на своё место и с облегчением выдыхаю: парты передо мной пуста. Аллилуйя! Ни Оксаны, ни Егора! Так что когда раздаётся звонок, я остаюсь единственным обитателем островка под названием «Галёрка первого ряда».

– Всем доброго дня! – громогласно здоровается Тор, отряхивая руки от мела. Класс отвечает ему чем-то вроде шумных оваций. Тора любят все.

– Вы, конечно, уже выдохлись к седьмому уроку, но... Без паники, Пушкин откроет у вас второе дыхание!

Мы улыбаемся, а Тор подходит к доске и подчёркивает размашисто написанную тему занятия.

– Итак, Пушкин! Признавайтесь, кто из вас считает его творчество скукой смертной? Давайте-давайте, только честно.

Несколько рук взмывают вверх и почти сразу смущённо ныряют обратно под парту. Поднятой остаётся только одна, и это Егор! Почему я не подумала о том, что он может пересестись на другой ряд? И почему он не подумал о том, что на такие вопросы никогда нельзя отвечать по правде?

– Очень честно и очень глупо, Егор, – смеётся Тор. – Значит, вы считаете, что Пушкин – это скучно?

– Смертельно.

– И что же вам в нём так не нравится?

– Понятия не имею, – пожимает плечами Егор. – Я учебник не открывал даже.

– Ага! – восклицает Тор, радостно хлопнув в ладоши. Звук получается таким громким, будто кто-то ударил в оркестровые тарелки. – Вот и фундаментальная ошибка всех современных школьников. Вы убеждены, что русская литература – это скучно, что она безнадежно устарела, а между тем ничего толком не читали. А если и читали, то не вчитывались. Но мы это исправим.

Быстро, неровным почерком он записывает на доске несколько слов и дат.

– Вот это запомните, чтобы сдать тест. А всё остальное время мы уделим текстам, смыслам, идеям. И «Евгению Онегину». Знаю, вы прошли его ещё в прошлом году, но без него никак.

– Мы должны были прочитать пьесу к уроку? – взволнованно спрашивает Арсений. Он сидит на первой парте первого ряда – типичное место обитания всех ботаников.

– Это не пьеса, а роман в стихах, – поправляет Тор. – И строго говоря, вы должны были прочитать его к уроку, который был примерно триста шестьдесят пять дней назад. Но обновить текст в памяти, конечно, стоит. Ха, я прямо вижу это страстное предвкушение в ваших глазах!

Он подмигивает мне, а потом кивает Егору:

– Спасибо за честность, Егор. Я это ценю.

Слегка ошарашенный похвалой, Егор взъерошивает короткие волосы на затылке, а Тор начинает рассказывать историю создания «Евгения Онегина». Он прав, я его уже прочитала.

Но у Тора всегда наготове интересные факты, которых почти никогда не бывает в учебниках. Вроде того, что «Евгения Онегина» писали семь лет, четыре месяца и семнадцать дней.

— ...И это не случайно, что роман часто называют «энциклопедией русской жизни». Пока вы будете читать и перечитывать – а я надеюсь, вы всё-таки это сделаете, – вы узнаете практически всё о том, как жили люди XIX века. Как они одевались, что ели, о чём разговаривали, думали, сплетничали. В общем, скандалы, интриги, расследования! И больше, гораздо больше остальных сумеет узнать тот, кто заглянет между строк.

Класс слушает Тора как замороженный. Никто не отвлекается, не шуршит конфетными обертками и даже в телефонах сидит всего пара человек. Они мгновенно падают в моих глазах. Как можно не ценить, вероятно, единственного учителя, которому не всё равно?

Тор, громоподобно откашлявшись, декламирует:

*– Есть место: влево от селенья,
Где жил питомец вдохновенья,
Там у ручья в тени густой
Поставлен памятник простой.*

На случай, если вы не читали – осторожно, спойлер! Один из героев романа погибнет на дуэли, а эти строчки Пушкин написал о его могиле. Картинка выглядит идиллически, правда? Но на самом деле она дает нам понять, что убитого юношу не смогли похоронить на кладбище. Дуэли были запрещены. Так что родственникам, вероятнее всего, пришлось выставить произошедшее как самоубийство. Спишите с доски фактуру, а потом давайте почитаем отрывки по ролям. Кто возьмёт Татьяну?

Мы выныриваем из текста минут за пять до конца урока.

– Всё-всё, выдыхайте! Загонял я вас? – смеётся Тор, сдёргивая резинку и заново завязывая волосы в пучок. Спорим, девчонки в экстазе? И даже пятна мела на джинсах не портят картинку.

Тор подтягивает к доске стул и ставит его спинкой вперёд. Садится, широко расставив ноги, а затем рассеянно потирает шею.

– Есть у меня одна идея... Скорее всего, вы не в курсе, но в своё время я окончил режиссёрские курсы. Литература меня переманила, но... мы поговорили с Алексеем Васильевичем, директором, и решили, что будет неплохо поставить «Евгения Онегина» здесь, у нас в школе. Я про спектакль. Возможно, не целиком, отрывки, но это всё равно круто, правда же? Девятые и одиннадцатые классы слишком заняты подготовкой к ЕГЭ и ОГЭ, а вот у вас есть все шансы. Пока у меня никакой конкретики, просто хотелось поделиться, прощупать почву... Но на следующем уроке обязательно обсудим детали. Думайте пока, есть ли у вас в принципе такое желание. Всем спасибо, все свободны!

Словно дождавшись его прощальных слов, звенит звонок. Класс наполняется шуршанием, болтовней, суетой. Даже я чувствую странный подъём, хотя совершенно точно ни при каких условиях не собираюсь участвовать в спектакле.

Я быстро складываю вещи в рюкзак и выбегаю из класса одной из первых. Мне надо многое обдумать: про шапку, Егора, Андрея, Оксану... И про себя.

– Давайте-давайте, инвалиды!

Макарыч свистит, подгоняя нас, и мы снова бежим по кругу. Нестройный топот ног, квадраты света на полу, чей-то смех, болтовня... Меня вдруг пронзает острое чувство дежавю, но я быстро из него вынырываю – спасибо Марине, которая ставит подножку. Едва не упав, я нелепо

размахиваю руками, что доставляет моим одноклассникам несколько мгновений чистой, незамутнённой радости.

Егора сегодня нет, а Оксана сидит на скамейке запасных. Макарыч хмуро посматривает на неё, но бегать не заставляет. Хех, он до смерти боится фразы «критические дни»! Так что, если прижать руки к животу и сделать страдальческий взгляд, без разговоров окажешься на скамейке. Кое-кто из девчонок пользуется этим по несколько раз за месяц, но Макарыч ещё никого не раскусил. Может, он вообще нас не различает?

Мои пятки гулко ударяются о пол, а синяя чёлка полупрозрачной занавеской колыхнется перед глазами. Мне нравится, что это послание, которое никому, кроме меня, не прочесть.

Андрей бежит далеко впереди: мы словно на двух концах одной прямой, пересекающей спортивный зал. Я в точке А, а он в точке Б... Андрей двигается легко, размашисто, свободно. Лера рядом с ним изо всех сил пытается казаться непринужденной, но щёки у неё красные. Наверное, совсем запыхалась, пытаюсь от него не отстать. Ужасно, но мысль об этом доставляет мне капельку злорадного удовольствия. Уф, Боженька, я перехожу на тёмную сторону?

Мы делаем упражнения на растяжку и наконец добираемся до каната. Меня почти трясёт от нервного возбуждения, да и другим девчонкам не по себе. Мы глупо хихикаем и без конца трогаем волосы, будто правильная причёска – верный способ забраться на канат. Только Лера спокойна. Она сама вызывается первой.

Её руки легко подтягивают стройное тело вверх, а голые ноги крепко обхватывают шершавый канат. Вообще, никто не запрещает девочкам ходить на физру в спортивных штанах, но Лера даже зимой носит короткие чёрные шорты. И футболку настолько узкую, что видна впадинка пупка.

– Отлично, Соколова, спускайся! – кричит Макарыч.

Лера соскальзывает вниз и, улыбаясь, подходит к Андрею. Интересно, о чём они говорят? И почему ей всё время нужно его трогать? Вот опять – как бы невзначай вцепилась пальцами в сильное плечо и не отпускает. Я вдруг замечаю, что Лера немного выше Андрея – сантиметра на три-четыре.

– Матюшкина! Стародуб! Иванова!

Очередь становится всё короче, а я нервничаю всё сильнее. Не то чтобы мне впервой прилюдно позориться: вообще, у меня чёрный пояс по нелепым ситуациям. Но быть в центре внимания примерно так же приятно, как прыгнуть в кипяток. Особенно сейчас, когда дурацкая рука Леры лежит на плече у...

– Македонская! – выкрикивает Макарыч, с трудом подавляя зевоту.

Ноги подгибаются, словно кто-то пнул меня под колени. Я задерживаю дыхание и иду к канату, стараясь выглядеть уверенной. Подтягиваю рукава толстовки и с удивлением замечаю, какие бледные у меня руки. Уже и не помню, когда в последний раз надевала что-то с короткими рукавами.

Я сглатываю и пытаюсь мысленно себя успокоить, но мантру «какая-разница-что-подумают-другие» прерывает ехидный голос:

– Ставлю сотню, что у неё не получится. Даже до середины каната.

– Соколова, – одёргивает Леру Макарыч.

– Принимаю ставку, – хмыкнув, шепчет Арсений.

Смешки и покашливания похожи на рябь на воде. Вроде ничего серьёзного, а лодка от них раскачивается...

Мне не нужно даже оборачиваться, чтобы понять, чем заняты мои одноклассники: делают ставки и надеются, что я даже большая неудачница, чем они думают. Кое-кто достаёт телефон и начинает снимать. Я надеюсь, что Макарыч их одёрнет, но он только подгоняет меня нетерпеливым движением.

– Удачи, – произносит кто-то у меня за спиной.

Я удивлённо оборачиваюсь. Андрей, что, правда пожелал мне удачи? Он дружелюбно кивает, и Лерина рука на его плече больше не кажется такой по-хозяйски расслабленной. Напоминает скорее дохлого кальмара.

– Шустрее, Македонская!

Я хватаюсь за канат и делаю неловкую попытку подтянуться. Ладони так вспотели, что я тут же соскальзываю вниз и неуклюже шлёпаюсь на пол. Запястье и бедро пронзает боль, но ещё сильнее от того, что все опять смеются. Я зажмуриваюсь, чтобы не заплакать.

Андрей тоже смеётся. А Лера стоит, опершись на его руку, и вытряхивает что-то из кроссовка. Даже в этой нелепой позе она выглядит как статуэтка. А я...

Я встаю и вытираю руки о толстовку. Подпрыгиваю, хватаюсь за канат и вцепляюсь в него что есть сил. Обхватываю руками шероховатую поверхность и снова бросаю своё тело вверх, напрягая каждый мускул. Бёдра в том месте, где о них трется верёвка, просто горят. Я чувствую, что начинаю сползать, но упрямо подтягиваюсь снова.

– Ладно, хватит, – ворчит Макарыч.

Ну уж нет! Я почти добралась до середины и не сдамся. Мне хочется доказать им всем. Доказать себе! Я стискиваю зубы. Делаю новый рывок! Тянусь выше!

Перед глазами вдруг вспыхивают пятна. Я задерживаю дыхание и прижимаюсь лбом к канату, но головокружение не проходит. Напротив, тело тяжелеет. Мир вокруг начинает кружиться, ладони разжимаются, и я падаю. Падаю-падаю-падаю...

– Осторожно! – кричит кто-то.

А потом темнота.

Сначала я слышу звон в ушах. Потом взволнованные перешёптывания, чьи-то шаги...

– Эй, – говорит голос, от которого что-то сжимается внутри. – Эй, ты как?

Я открываю глаза. Фокусирую взгляд и первым вижу лицо... Андрея! Он выглядит таким обеспокоенным и таким красивым. Брови нахмурены, взгляд лихорадочно бегаёт по моему лицу, а чёлка упала на лоб и почти закрыла собой правый глаз. А ведь глаза у него такие... такие... Сама не понимая, что делаю, я поднимаю правую руку. Убираю с его лица непослушную чёлку и, не удержавшись, касаюсь тёплой щеки.

Первый контакт – вспышки цвета на кончиках пальцев.

Прикасаюсь ладонью – и его синева врывается в меня бурным потоком, будто волна. Будто цунами! Ш-ш-ш, ш-ш-ш, ш-ш-ш – громко шумит в ушах. Его чувства настолько насыщенные, сильные, горькие! Как больно. Почти нестерпимо! Хватит! Вскрикнув, я отталкиваю его от себя, и сразу становится легче дышать.

– Ты чего? – недоумённо спрашивает Андрей.

Мы смотрим друг на друга ошарашенно. Я вдруг понимаю, что всё это время он держал меня на руках. А потом слова просто срываются с губ, прежде чем я успеваю сдержаться:

– Ты – самый синий из всех.

А синий – цвет одиночества.

Глава 3. Разговоры

Одиночество – синее.

Зависть – пронзительно жёлтая, гнев – красный, нежность – голубая, а любовь... у любви нет цвета, но она светится.

Это было частью меня, сколько я себя помню.

Называйте как хотите: дар, суперспособность, сверхъестественная фигня... Мой психолог вообще был уверен, что это такой инструмент самозащиты. Что я внушила себе, будто, прикасаясь к человеку, вижу его эмоции через цвета. Вот только это правда. И никаких радиоактивных пауков и криптонита.

Все мои первые воспоминания – это цвета. Через них я познавала мир. Мне нужно было просто коснуться, и я сразу всё понимала. Кто грустит, кого мучает чувство вины, кто напуган. Конечно, я далеко не сразу разобралась с оттенками и всё-таки... всё-таки что-то внутри меня с самого начала знало, что это за чувства – даже тогда, когда я ещё не разбиралась в заумных словах. Даже тогда, когда не умела толком говорить.

Это всегда ощущается по-разному, но всегда – через прикосновение. Иногда чужие чувства врываются в меня, тараном пробивая мои собственные. Иногда мне страшно. А порой это словно тихая мирная река... Или болото, в котором я вязну, которое не даёт мне вдохнуть.

Но чем сильнее чувство – тем мне больнее. Всегда.

В детстве я думала, что все так умеют. Мама была в восторге: сначала от того, что я такой контактный ребёнок (ещё бы, я же трогала всех без разбору – так я знакомилась). Потом от того, какое богатое у дочери воображение. Думаю, ей и в голову не приходило, что я говорю правду. А вскоре и до меня дошло, что такая правда – не то, что люди хотят услышать.

«Дура, я вовсе не завидую ей!»

«Девочка врёт, я так вовсе не думаю!»

«Нет-нет, я люблю своего мужа».

«Зачем ты всем сказала, что мне нравится Паши? Это не так!»

«Ты меня бесишь, ты ненормальная!»

«Никто никогда не будет с тобой дружить».

«Это не я, это она подожгла занавеску!»

«Дура!»

«Лгунья!»

«Ненормальная!»

«Больная!»

«Саша, ты уже была у психолога?»

Случилось много всего, прежде чем я перестала прикасаться к людям. Прежде чем вообще перестала об этом говорить. Но главных выводов – пять:

Люди всегда хуже, чем думают сами о себе.

Никому не нравится правда.

Нет ничего весёлого в том, чтобы знать чужие тайны.

Если ты другая, не признавайся НИКОМУ.

И главное, пятое:

Никому. Нельзя. Помочь.

Никогда.

– Ма-а-ам, вы дома? – шепчу я, открыв дверь. Комната отвечает молчанием, и я с облегчением понимаю, что, наконец, смогу побыть одна. С появлением Ксю это стало такой роскошью, что я уже и забыла, когда в последний раз пересекала по квартире в одиночку. Нет, я люблю Ксю. Она такая простая, её цвета такие чистые... Прикасаться к ней – всё равно что смотреть на небо где-нибудь в лесу. В такие минуты мне становится легче дышать. И вообще... становится легче.

В холодильнике почти нет нормальной еды: в основном тут баночки со всякими овощными смесями и грустные свидетели маминых попыток похудеть: сельдерей и обезжиренный йогурт. Поморщившись, я хватаю яблочное пюре, погружаю в него ложку и наконец разрешаю себе подумать о том, что случилось.

Макарыч, конечно, потащил нас в медпункт. Я пыталась отвертеться, но он выглядел до смерти испуганным, даже руки тряслись. Ещё бы, ученица грохнулась с каната! Прямо в объятия самого красивого (и, как оказалось, самого одинокого) парня в классе.

Я закрываю глаза и вспоминаю тот момент, когда коснулась Андрея. Его кожа была тёплой, но цвета... Внутри он как море или космос – бесконечная синева с крапинками-звездами других эмоций. Но разве этого возможно? Он ведь богатый, красивый, умный... Любимчик учителей, мечта всех девочек. Все хотят быть им или с ним.

И, выходит, совсем его не знают?

Тру лоб в замешательстве и стягиваю с головы капюшон. Синяя прядка падает на глаза, и я задумчиво кручу её в пальцах. Голова словно в ступоре: отказывается принимать новую информацию. Еггг. Соединение потеряно.

А у нас, оказывается, всё-таки есть кое-что общее... Синева.

Я приканчиваю пюре, перетряхиваю рюкзак в поисках телефона и начинаю бездумно сёрфить по соцсетям. Это помогает прочистить голову и отвлечься, пусть даже свои аккаунты я не веду. Тонна бесполезной информации – как уголь, сквозь *который* фильтруется вода. Я листаю, листаю, листаю... И, наконец, натыкаюсь на *цитату* из «Маленького принца», которая всё ставит на свои места:

«– А где же люди? – вновь заговорил наконец Маленький принц. – В пустыне всё-таки одиноко...»

– Среди людей тоже одиноко, – заметила змея».

Утром я встаю так рано, что всё ещё спят. В бледном сентябрьском свете кухня выглядит необитаемой. Остров потерянных игрушек... Крошки хлеба на столе, гора немытой посуды в раковине, мешки с мусором, из которых торчат картофельная кожура и картонные коробки.

Шагаю к раковине и тянусь к жёлтым резиновым перчаткам, но тут же отдёргиваю руку. Кажется, я ужасная дочь. Помощи от меня никакой, но... Что, если мама проснётся? Или, ещё хуже, папа... Мне сегодня не хочется ни с кем говорить. А кроме того, у меня есть план: прийти в школу первой, сесть за парту, натянуть наушники и притвориться спящей. Так я по крайней мере не буду видеть, как все на меня пялятся, и слышать, как они обсуждают вчерашнее.

Внутри становится жарко от стыда и дурного предчувствия. Конечно, есть крошечный шанс, что только я придаю произошедшему такое большое значение, но посмотрим правде глаза. Скорее всего, школа уже в курсе и треплет моё имя во всех чатах и соцсетях. Велкам ту двадцать первый век.

За дверью родительской спальни начинает тихо хныкать Ксю, и я торопливо выскакиваю из квартиры. На улице прохладно, ещё горят фонари. Мир вокруг выглядит странно потёртым, усталым, смирившимся... И наш дом, который давно потерял надежду на ремонт, и люди,

гуськом бредущие на остановку, и опавшая листва под ногами. Словно это не листья, а воспоминания о них.

Я иду не спеша и всё равно прихожу в школу в семь пятнадцать. Входная дверь уже открыта, но в рекреации пусто, даже охранника нет на посту. Так что я переобуваюсь, оставляю куртку в гардеробе и поднимаюсь в класс. Ещё один необитаемый остров... Сажусь на своё место. Закрываю глаза и просто слушаю тишину, ведь она иногда круче музыки.

Тишина...

– Рота, подъём! – рявкает Егор прямо в ухо. Я испуганно подскакиваю и понимаю, что умудрилась и в самом деле заснуть. Причём настолько крепко, что не проснулась, даже когда в класс пришли остальные. Ужас! Вдруг я говорю во сне? Или скриплю зубами? Или что-нибудь похуже, чего я даже представить не могу?

Егор падает на своё место и начинает громко барабанить по парте ладонями, отбивая какой-то смутно знакомый ритм. Кажется, он в хорошем настроении: качает головой в такт рукам, топает ногами в новеньких белых кроссах. А вот футболку не мешало бы постирать. Или выкинуть.

Стул рядом с Егором пуст, так что я ищу взглядом Оксану. И нахожу – в компании других девчонок из свиты её Величества Совершенства. Они оживлённо болтают, и, кажется, показывают друг другу какие-то ролики из ютуба. Оксана тоже выглядит весёлой, и это странным образом меня задевает.

Андрей входит в класс как раз в тот момент, когда от колпачка, который я взволнованно кусаю, остаётся жалкий синий огрызок. Вчера я сбежала из медпункта, как только медсестра сказала, что со мной всё в порядке. Даже не поблагодарила его. Просто испугалась, что он будет задавать вопросы, на которые я не смогу ответить. Или убедительно соврать.

Я с облегчением выдыхаю. Он выглядит так же шикарно, как и всегда, разве что волосы немного растрёпаны, но это ему даже к лицу. А так... Тёмно-синяя рубашка с воротничком-стойкой, чёрные джинсы, коричневая кожаная сумка через плечо, перебинтованная рука... Стоп, что?!

О-о-ох...

Я затягиваю тесёмки капюшона так сильно, что на свободе остаётся только нос, и почти сползаю под парту в попытке стать невидимкой. Супер. Просто супер. Я его покалечила. Теперь по закону жанра девчонки начнут сыпать мне в кеды канцелярские кнопки и подбрасывать записки с угрозами. Вокруг стоит такой гам, словно кто-то совершил покушение на президента или Егора Крида. И, к несчастью, этот кто-то – я.

От всеобщего гнева меня спасают школьный звонок и Анна Викторовна, учитель биологии и по совместительству наш классный руководитель.

– По местам, по местам, – громко командует она, врываясь в класс белокурым торнадо. Она всегда такая: носится по коридорам с бешеной скоростью и ненавидит «официоз». Сегодня на ней брюки в клетку и свободная голубая рубаха, а светлые волосы собраны в пучок и крест-накрест заколоты двумя карандашами. На лице ни капли косметики.

Она останавливается возле первой парты второго ряда, выдёргивает телефон из рук Марины и с многозначительным видом кладёт его в карман своих брюк.

– Итак, класс, у меня для вас две новости: хорошая и, наверное, тоже хорошая. Первая – это то, что я буду помогать Сергею Владимировичу с постановкой «Онегина». Я считаю, это отличная возможность для всех вас сделать что-то вместе, всем классом. Хотите – верьте, хотите – нет, но школьные годы, скорее всего, будут лучшими в вашей жизни.

А вот в этом я очень сомневаюсь.

– Так что жду всех вас. Кто не придёт, того внесу в чёрный список. Шутка. Или не шутка. Так что подумайте дважды! – Анна Викторовна подмигивает и делает широкий жест в сторону двери. – А вот и вторая новость. Тимофей, давай к нам!

В дверной проём заглядывает неизвестный парень. Острый нос, россыпь прыщей, широкая улыбка... Он машет рукой и заходит, а в классе раздаются смешки. Ещё бы! Он похож на высоченного богомола с несуразно длинными руками и тощей шеей, на которой криво сидит галстук-бабочка. На узких плечах болтается футболка со смутно знакомым узором – будто единорога вырвало радугой. Эй! Это же тот самый парень из столовой!

– Всем привет, – дружелюбно улыбаясь, говорит он. – Меня зовут Тимофей, но это не важно, потому что вы всё равно будете звать меня Кашей. Все всегда зовут меня Кашей. Родовое проклятье. Ха-ха, шутка. Просто моя фамилия Кашубин, и так уж повелось.

Я улыбаюсь. Он кажется таким открытым и простым! А это, знаете ли, приятное разнообразие в мире, который держится на понтах. Анна Викторовна открывает рот, чтобы что-то сказать, но Тимофей её перебивает. Он не говорит, а тараторит, выдавая слова пулемётной очередью.

– У вас тут вроде как миленько. Я про школу. Не Хогвартс, конечно, но в Саратове, там, где я учился, однажды отвалился кусок потолка. Никого не зашибло, только ведро для мытья полов в лепёшку. Целую неделю торчали дома, я ка-а-аждую минуту чувствовал, что молодость уходит, пока я тут просиживаю штаны за чисткой картошки. Мы хотели устроить забастовку. Но пока собирались, потолок починили. А потом...

– Стоп-стоп, – смеётся Анна Викторовна, размахивая руками. – Расскажешь трагические подробности своей биографии на перемене, а у нас всё-таки биология. Так что садись уже куда-нибудь и вернёмся к нашим баранам. То есть нуклеиновым кислотам. Держу пари, вам не терпится узнать, какие тайны скрывают ДНК и РНК!

Мы кисло улыбаемся, а Каша обводит взглядом класс. Я складываю пальцы крестиком и пытаюсь слиться с обоями за спиной, но... Он всё равно меня замечает и восторженно вопит:

– Эй, котлетная девушка! Помнишь меня?

И... вот он – тот момент, когда все как в замедленной съёмке поворачиваются ко мне. Даже Анна Викторовна смотрит удивлённо, а Каша быстрым шагом подходит к моей парте и плюхается на стул рядом. Он задевает меня острым локтем, толкает коленом и прижимается спиной, пока копается в стареньком джинсовом рюкзаке.

Я демонстративно отодвигаюсь и прячу кисти рук поглубже в рукава. Только, кажется, его это не смущает. Он бухает учебник на парту и наклоняется, вывернув голову так, чтобы заглянуть мне в лицо:

– Эй, это я!

Ясно. Понятие «личное пространство» ему не знакомо.

– Не помнишь? Котлетка! Ну? Ты вспомнила? Ты же меня спасла от голодной смерти. Забыла? О, женщины! И почему ты в капюшоне?

– Тимофей, Саша, – сердито прерывает нас Анна Викторовна. – Я же сказала, на перемене.

Пр-р-рекрасно! Теперь из-за него я ещё и в черном списке АВ. Нахмурившись, я склоняюсь над учебником и принимаюсь за параграф. Пытаюсь собрать мысли в кучку и вникнуть в содержание. Через минуту на парту передо мной ложится старенький раздолбанный телефон с трещиной через весь экран. На нём сообщение.

«Как тебя найти в инсте?»

Я быстро печатаю:

«Меня нет в соцсетях. Не люблю».

И это, кстати, правда. Каша делает большие глаза. Его пальцы быстро мелькают над экраном, набирая новое сообщение.

«А руки почему всё время прячешь? У тебя какая-то болезнь?»

Я раздражённо отодвигаю телефон, но через мгновение он снова возникает прямо перед моим лицом. Я быстро печатаю *«Ты отстанешь, если скажу?»* Он отвечает гифкой *«YES»*, и я пишу то же, что отвечаю всем не в меру любопытным придуркам:

«Гантофобия. Погули.

Каша и правда не пристаёт ко мне до конца урока. Но как только звенит звонок, на меня обрушивается непрекращающийся поток назойливой болтовни. Хуже того, вокруг нашей парты начинают собираться другие ребята, которым он с явным удовольствием рассказывает о себе. Снова. И снова. И снова.

На большой перемене я сбегаю. Не то чтобы я человеконенавистник, но в одиночестве тоже есть свои преимущества. Можно, например, услышать свои мысли! Так что я беру в гардеробе куртку, делаю очень-занятое-лицо и проскальзываю мимо сонного охранника. Для него большая перемена – священное время сканвордов и контейнера с домашней едой. Так что мне удается беспрепятственно покинуть здание.

Я сбегаю вниз по ступенькам, иду мимо спортивного зала и заворачиваю за угол. С «изнанки» школа выглядит уже не такой прилизанной: коричневая дверь запасного выхода вся облупилась, у бетонных блоков раскрошились края, да и газон кажется таким растрёпанным, словно только что проснулся и поднял голову с подушки. Пожалуй, у оборотной стороны школы только одно достоинство – здесь никогда никого не бывает. Раньше тут собирались курильщики, но у нашего директора пунктик на сигаретах. Так что после пары исключений уголок возле запасного выхода перешёл по наследству мне.

Ступеньки на ощупь холодные и влажные, приходится сесть на учебник английского. Пахнет опавшими листьями, предвкушением зимы... Я наконец расслабляюсь. Дышу полной грудью и чувствую себя до странности причастной к тому, что происходит прямо здесь, прямо сейчас. Будто я неотъемлемая часть мгновения, которое уже не повторится.

– Эй.

Я открываю глаза и выпрямляю спину.

– Можно присесть?

Не дождавшись ответа, Андрей садится рядом со мной. Что он здесь делает? И, главное, зачем?! В дутой бежевой куртке его плечи кажутся ещё шире. Не знаю, специально или нет, но теперь он закрывает меня от ветра. И от этой мысли, от этой мысли...

– Чёрт, как ты сидишь тут? У меня уже задница замёрзла.

Я слегка приподнимаюсь, демонстрируя ему учебник.

– Меня спасает современная система образования.

– Оу. Так вот для чего она нужна?

Мы улыбаемся друг другу. Андрей утыкается подбородком в плечо и смотрит на меня вполборота. Пристально-пристально. Я отворачиваюсь. Мне не хватает смелости встретить его взгляд. Пауза затягивается. Я лихорадочно перебираю в голове темы для разговора, но он опережает:

– Что это значило? Ну... то, что ты сказала.

– О чём ты?

– Ты сказала, что я синий.

Я нервно смеюсь и натягиваю рукава на пальцы.

– А теперь ты отводишь взгляд, – спокойно говорит Андрей. – Почему?

Мне хочется сбежать, но тело будто примёрзло к ступенькам. Мысли с воплями разлетаются из головы, так что всё, что я могу, – ковырять пальцем бетон и лепетать что-то нечленораздельное.

– Я не гей, – говорит Андрей после паузы. – Если синий – это голубой, а голубой – это...

– Господи, нет! – перебиваю его я. – Я не имела в виду ничего такого! Ты-то уж точно не гей, все это знают, потому что ты... ну это ты... и ты весь такой...

– Ты что, гомофобка?

Так, а вот теперь единственный шанс выпутаться из ситуации – самовозгорание. Тихо пискнув, я утыкаюсь лбом в колени и выдавливаю из себя:

– Нет. Честно.

Проходит целая минута, прежде чем я набираюсь мужества посмотреть на Андрея сквозь завесу спутанных волос. Смешинки в его глазах завораживают. Он откидывается на ступеньки, опираясь на локти, и рассматривает меня с таким любопытством, словно перед ним неведомое миру насекомое. Отряд синечёлочных.

– Кажется, у тебя пар сейчас из ушей повалит.

И это действительно так.

– Ладно, если ты почему-то не хочешь говорить, не говори. Будем считать, что мы квиты. Ты никому не сказала, что Егор тебя достает. А я не стану тебя мучить вопросами. Раз уж это такая проблема. Подозреваю, это что-то, связанное с вашими девчачьими штучками? Если так, то не хочу даже знать. Бр-р-р.

– Вы с Егором... как бы друзья?

Я ни разу не видела их вместе. Ладно Оксана, но Егор... Они с Андреем противоположны во всём.

– Как бы, – скривившись, отвечает Андрей. – Но вообще, скорее, нет.

Он отталкивается от ступенек и, кажется, собирается встать. Мне почему-то не хочется, чтобы он уходил, и я выпаливаю первое, что приходит в голову:

– Ты почему не в столовой?

Андрей смотрит на меня слегка удивлённо:

– Не научился пока есть левой рукой. Выгляжу как цирковая горилла.

– А почему ты... Ой!

На меня обрушивается внезапное осознание собственной тупости. Вот же дура! Как я могла забыть, что он повредил руку? Из-за меня! Даже сейчас из-под рукава его куртки торчит белый бинт. Я стискиваю свои запястья и наклоняю голову почти к самым коленям. Лицо, уши и даже шея просто горят от стыда.

Андрей легонько толкает меня в плечо.

– Не делай этого.

– Не делать чего?

– Не закрывайся.

Я поднимаю голову и смотрю на него. А он на меня. Ветер легонько перебирает наши волосы и пушистую оторочку капюшона на его куртке. Тени облаков скользят по лицам. И сколько я ни ищу, так и не могу найти в его глазах сарказм или издевку. Кажется... кажется, он говорит со мной искренне. А на такое можно ответить только одним – взаимностью.

– Почему ты?..

Андрей рассеянно дёргает нижнюю губу. Кажется, такая у него привычка.

– ...Помог? Ну я в каком-то смысле был на твоём месте. Кодекс изгоев и всё такое.

– Ты?

– А что тебя удивляет? Я же человек. В начальной школе надо мной тоже издевались. Из-за... потому что... словом, это неважно. Сейчас по-другому, конечно, но такое не забывается. Ты тогда в другом классе училась, да?

Я едва заметно киваю и опускаю взгляд на его руку. Бинт такой белый... Словно пена прибоа.

– Извини. За руку. Прости, я правда...

– А, ерунда, – отмахивается Андрей здоровой рукой. – Это ведь не перелом. Просто растяжение. Отец даже не удосужился взглянуть на него, просто отправил к травматологу. И на уроках можно бездельничать, и дома. Знаешь, это здорово спасает, если я не хочу с кем-то тусить или что-то делать. Они такие: «Эй, пошли к нам». Или: «Андрей, отнеси тетради в учительскую», а я просто многозначительно приподнимаю забинтованную руку и трясу ею в воздухе. И у всех сразу такое лицо: «О, чувак, прости, понимаем». И всё, я свободен.

Я слабо улыбаюсь, а он хватается свой рюкзак и, зажав его между колен, расстёгивает молнию левой рукой. Не удержавшись, я мельком заглядываю внутрь и с удивлением замечаю кучу салфеток и крошечных упаковок с кетчупом. Вроде тех, что бесплатно раздают в кафешках или на дегустациях.

– Вот, – говорит Андрей, бросая мне на колени «Сникерс». – Чтобы окончательно замять историю. Открой мне эту штуку, и счёт будет один-один. Я спас тебя от превращения в лепёшку, а ты меня – от истощения.

Руки у меня слегка дрожат. Молюсь про себя, чтоб Андрей не заметил, и преступно долго вожусь с шоколадкой. Несколько неловких движений, и я наконец разрываю обёртку. А после...

– Покорми меня, – говорит Андрей.

Что? То есть... что-о-о?

Я замираю. Булькаю что-то нечленораздельное и всё-таки подношу руку с шоколадным батончиком к его лицу. Андрей смотрит на меня странным долгим взглядом. Мне почти хочется коснуться его, чтобы понять, что он чувствует. Он наклоняется и аккуратно кусает шоколад. Тёмная чёлка падает вниз, щекочет мне руку.

Какое-то время Андрей молча жуёт и смотрит в другую сторону. А потом нерешительно говорит:

– Э-э-э, если честно, я пошутил. Думал, мы посмеёмся вместе. Ни за что бы не подумал, что ты и правда это сделаешь.

Вот черт! Ну конечно! Вспыхнув, я вскакиваю на ноги и стремглав несусь к школьным воротам.

– Саш! – кричит вслед Андрей.

Я бегу.

В итоге я делаю то, что сделал бы на моём месте любой нормальный человек: смываюсь с трёх последних уроков, а дома зарываюсь головой в подушку и беззвучно кричу.

Выходные проходят почти без происшествий. Я валяюсь на кровати, делаю уроки, много читаю, развожу бардак, убираю бардак, играю с Ксю, готовлю воскресный ужин – последнее, правда, было ошибкой. Вечером мы с мамой устраиваемся перед телевизором, чтобы в сотыщипятисотый раз пересмотреть «Аббатство Даунтон». Не спрашивайте. Это как наркотик. Мы просто не можем остановиться.

Кроули опять попадает в аварию, и мама опять плачет. Она всегда плачет на этом моменте.

– Всё, выключай, – хлопает она носом. – Не могу смотреть дальше.

Я покорно выключаю и протягиваю ей салфетку. Мама сморкается – но тихо, словно сопливый ниндзя. Она частенько шутит, что это особая суперспособность матерей – делать всё беззвучно, лишь бы только ребёнок не проснулся.

– Не хочешь пойти погулять?

– Э-э-э, – отвечаю я.

На улице хлещет дождь. Ветер дует такой, что стёкла стонут в рамах и дребезжат. Это, конечно, ещё не апокалипсис, но очень хороший косплей на него. Я как раз собираюсь спросить у мамы, за что она меня так не любит, когда она добавляет:

– С друзьями. Сходили бы куда-то повеселиться. В кино, например. У тебя же есть друзья?

Я закатываю глаза.

– Конечно, мам. У меня сотни друзей, просто всё это время я скрывала от тебя свою популярность.

Я ишу, чем бы ещё занять руки, и наконец сердито складываю их на груди. Даже не знаю, в который по счету раз мы начинаем этот разговор.

– Знаешь, ты такая хорошая дочь, – говорит мама, и я понятия не имею, почему её голос звучит так грустно. – Но иногда мне кажется, что это... как-то слишком, понимаешь? Ты не бунтуешь, не шляешься где попало, не нарушаешь комендантский час.

– У нас есть комендантский час?

– Вот именно! Он тебе даже не нужен!

Так. Этот разговор начинает раздражать.

– Мне курить и принимать наркотики?

– Нет, конечно!

– А что тогда? Пьяные тусовки? Сомнительные засосы?

– Саша! Не перегибай.

– Но ведь это ты хочешь, чтобы я была оторвой.

– Я хочу, чтобы ты жила полной жизнью! А ты как рыбка в аквариуме. Одна! Разве не видишь? Ты как будто зритель в своей собственной истории, вот что меня пугает!

Мама всё-таки повышает голос, и Ксю просыпается. Спасибо за испорченные выходные, мам. Я выбрасываю остатки салата с наших тарелок в мусорку, шумно складываю посуду в раковину и в качестве акта неповиновения решаю её не мыть. Хочешь, чтобы я была плохой дочерью? Запросто!

Громко топая, иду в свою комнату и намеренно хлопаю дверью.

Не понимаю. Просто не понимаю, почему маме так сложно принять, что не всем нужна... стая. Что есть люди вроде меня, которым нравится одиночество. И дело не в пресловутом «переходном возрасте». Я почти всегда была такой. Одна сидела за партой, одна дежурила, одна готовила рефераты. И даже если бы... даже если бы я хотела с кем-то подружиться, как она это представляет? Нам уже не по пять лет. В десятом классе нельзя просто подойти к кому-то, дать ему по башке лопаткой и пойти вместе лепить куличики. Если честно, я понятия не имею, как вообще заводить друзей после определённого возраста. Это вроде должно происходить само собой, нет? Но у меня почему-то не происходит.

Будь я ребенком, можно было бы зареветь и пожаловаться взрослым, что никто не хочет со мной играть. Чтобы они кого-то заставили. А теперь я могу только надеть наушники, включить музыку погромче и бездумно пялиться в окно. Дождь на улице гнёт деревья к земле, но они упорно выпрямляются. Надеюсь, мне тоже это удастся. Не сломаться.

Глава 4. Мы же были друзьями

– Привет, Котлетка, – говорит Пикачу.

Я как раз пью чай из термокружки, когда это недоразумение появляется у меня перед лицом. Я не в духе. И чай, который теперь льётся из моего носа, не улучшает настроения. Эй, вы бы тоже поперхнулись, если бы увидели... это! На Каше какой-то совершенно нелепый костюм. Что-то вроде жёлтого плюшевого комбинезона с ушами и покемонской рожицей на капюшоне.

– Ты такой жёлтый, что хочется выстрелить себе в голову, – я говорю это самым ворчливым и мерзким голосом, на какой способна, но Каша не обижается. Напротив, на его лице расплывается прямо-таки блаженная улыбка.

– Она заговорила! Люди, это чудо! Моя соседка по парте заговорила! Хвала печенькам!

Соседка? Я со стоном утыкаюсь лбом в парту. В классе ещё три свободных места. Так почему ему непременно нужно сидеть со мной?

– У моей мамы была такая шапка, – как бы между прочим говорит Каша, вытряхивая на парту содержимое рюкзака.

Я натягиваю свою шапку на уши и безразлично пожимаю плечами:

– И?

– Моей маме почти сорок. И это ужасно. Ты выглядишь как помятая жизнью сорокалетняя женщина. А, вот ты где! – Каша наконец находит то, что искал, – какую-то тетрадь в тонкой обложке – и как ни в чём не бывало сгребает свой хлам обратно в рюкзак.

Я пытаюсь испепелить этого покемона взглядом, но он, кажется, даже не понимает, как обидно звучат его слова. В кабинет входит Тор, и Каша примерно складывает руки на парте. Прямо как первоклассник.

Что вообще творится в его вафельных мозгах?!

Тор на ходу отряхивает куртку, отчего пол в кабинете покрывается россыпью капель, и быстро подходит к учительскому столу. Улыбка на его лице такая же широкая, как у Каша, и на минутку мне кажется, что они чем-то похожи.

Мокрая куртка занимает место на спинке стула, а Тор радостно потирает ладони и раскидывает руки, словно собирается разом обнять весь класс. Сегодня на нём светлая рубашка в голубую полоску и тёмные джинсы. Штанины заляпаны каплями грязи, будто он прыгал по лужам. Я тихо хихикаю, представив эту картину.

– Отличные новости! – басит тем временем Тор. – Директор полностью одобрил и поддержал нашу инициативу. Спектаклю «Евгений Онегин» быть! И чтобы вы не...

Его прерывает стук в дверь. Через мгновение в класс заходит Андрей. Кажется, это первый раз на моей памяти, когда он опаздывает. Да и выглядит немного... помятым. Растрёпанные мокрые волосы облепили голову, из-под свитера торчит скомканный воротник, а кроме того, он запыхался: наверное, бежал.

– Опоздаваем? – с улыбкой спрашивает Тор. – В первый учебный день недели? На литературу?!

Андрей молча поднимает забинтованную руку и с многозначительным видом трясёт ею в воздухе.

– О, прошу прощения, – стушевавшись, говорит Тор. – Садитесь.

Я прикрываю рот рукой, чтобы спрятать улыбку. Столбик термометра моего настроения стремительно ползёт вверх.

– Так, о чём я? Ах да, про пьесу! Мы немного сократим текст, выкинем описания погоды и лирические отступления, но суть сохраним, так что нам понадобится как минимум десять-пятнадцать актёров, включая массовку. Ориентировочная дата премьеры... Хм, её ещё нет.

Где-то в начале декабря, а значит, времени в обрез. Даю вам неделю на размышления, потому что уже в пятницу после уроков мы с Анной Викторовной устроим прослушивание в актовом зале. Что-то вроде кастинга.

– Как записаться? – спрашивает Лера.

– Похвальное рвение! – радуется Тор. Кажется, он и вправду загорелся идеей спектакля. – Какая роль вас интересует?

– Главная, – без запинки отвечает Лера.

И я ни капельки не удивлена. В классе раздаются отдельные смешки, но Лера даже не оборачивается. Тор задумчиво вертит в руках мелок, чешет бороду и решительно кивает:

– Я повешу вечером объявление. На информационную доску на первом этаже. И каждый желающий сможет отправить заявку, указав имя, фамилию, класс и желаемую роль. Как вам такая идея? Там же, на доске информации, будут доступны все остальные новости. Но давайте не будем забегать вперёд! Есть другие вопросы?

Вверх взлетает ещё одна рука:

– Это как внеурочка? – спрашивает Марина. – То есть дополнительные занятия после уроков?

– Думаю, с кое-каких уроков вас придётся забирать, но в остальном это внеучебная деятельность, да. По желанию. Мы будем собираться два раза в неделю.

– А что нам за это будет? – выкрикивает Каша.

Тор хлопает себя по лбу:

– Как я мог забыть про бонусы! С меня пятерка за тест по Пушкину и, скажем так, лояльность во всём, что касается сдачи домашних по литературе. Совсем освободить вас я не смогу, но мы сократим их количество. Оставим только те, которые действительно нужны для проверки ваших знаний, а не для галочек в электронных дневниках. Галочки я и так расставляю, только тс-с-с...

Он прижимает палец губам и насмешливо прищуривается. Берёт со стола учебник, быстро листает страницы и удовлетворённо говорит:

– Ага. Ну что, пора переходить к самому роману? У меня есть неделя, и я приложу все усилия, чтобы заставить вас в него влюбиться. Или, может, вы уже «того»? Любовь с первого взгляда?

– Не, это фантастика! – выкрикивает кто-то. Мы смеёмся, и Тор вместе с нами. Это, кстати, одно из двух его достоинств. Первое – он обращается к нам на «вы», а второе – он любит смеяться вместе с нами, а не над нами.

– Кстати о фантастике. Мало кто знает, но смерть Пушкину и Лермонтову предсказала одна и та же гадалка, мадам Кирхгоф. Пушкину она сказала, что он проживёт долго, если только на тридцать восьмом году не случится с ним какой беды от белой лошади или белой головы. Дантес, как вы понимаете. А Лермонтов пытался узнать у гадалки, сможет ли получить отставку и уйти с военной службы, но та ответила, что в Петербург он уже не вернётся. Так и случилось. Опять дуэль! Кстати, кто знает, как выглядит название города Пятигорска на языке жестов? Даю подсказку: именно там умер Лермонтов. Ну, кто-нибудь?

– Спросите у Македонской! – выкрикивает Каша, толкая меня в плечо. Я пронизываю его смертоубийственным взглядом, но он в ответ лишь безмятежно улыбается. Откуда ему вообще известно, что я знаю правильный ответ?

Тор поворачивается к нам. Вдохнув, я открываю рот, чтобы ответить, но слова застревают в горле, споткнувшись о неожиданно свирепый взгляд. Лера. Смотрит на меня с таким гневом, что я замираю и вместо чёткого ответа едва слышно лепечу:

– Скращенные пистолеты.

В столовой мне везёт. Я, как всегда, прихожу одной из последних, но на этот раз занимаю пустой столик. Судя по крошкам и мятым салфеткам, здесь кто-то уже успел перекусить. Кстати, если подумать, они наверняка оставили на салфетках свои ДНК. Так что... в какой-то степени можно сказать, что у меня всё-таки есть компания! Ха-ха. Ха.

Я сгребая мусор в кучу и аккуратно сталкиваю на пустой поднос. Аллилуйя, можно, наконец, поесть. Сегодня в меню столовая классика – бледная сосиска с кучей гречки и четвертинкой помятого жизнью помидора.

– Поговорим?

Лера выпрыгивает у меня из-за спины так неожиданно, что я закашливаюсь, и крупинки гречки изо рта разлетаются по всему столу. Лера кривит лицо в брезгливой гримасе, но всё-таки садится напротив, вполоборота. Смотрит на меня пристально, будто ждёт, что я первой начну разговор. Но я понятия не имею, в чём дело.

– Не думай о себе слишком многого.

– Чего?

Лера закидывает ногу на ногу и принимается раздражённо покачивать соскочившей с пятки туфлей. Она напоминает сердитую персидскую кошку, которая нервно дёргает хвостом. Да и выражение лица такое же высокомерное.

– Не прикидывайся, Македонская.

Она выхватывает из кармана пиджака айфон. Розовые ногти быстро мелькают над экраном. Лера разворачивает телефон ко мне. О-о-ох...

Кто-то всё-таки снял нас с Андреем в спортзале. Вот я до нелепости медленно забираюсь по канату (ужас, какое красное у меня лицо!), вот выпускаю его из рук, а вот Оксана, подскочив, кричит: «Осторожно!» Андрей бросается к канату, вытягивает руки, и я падаю прямо к нему в объятия.

Признаться, в моём воображении всё выглядело гораздо романтичнее. На деле же я выгляжу как мешок картошки. И вешу, очевидно, столько же, потому что Андрей, не удержавшись, падает на спину. Прямо со мной на руках. Начинается паника, отовсюду слышатся голоса, и владельцы телефона оттесняют, так что больше ему ничего уже снять не удастся.

Я молчу, переваривая гречку и свои впечатления от видео. Лера изучает моё лицо.

– Это ничего не значит, – говорит она.

– Я и не думала, что это что-то значит. Но если тебе так кажется...

– Мне так не кажется!

Ничего не понимаю. Лера вдруг замечает что-то за моей спиной и отодвигается, откидываясь на спинку стула. Её лицо становится непроницаемым.

– Привет, Котлетка, – говорит Каша, приземляясь на стул по соседству. – Ты сегодня с подружкой?

Лера фыркает и складывает руки на груди, а я бормочу:

– Не сказала бы...

– О чём болтаете?

Каша ставит свою тарелку на стол и впивается в сосиску. Лера смотрит на него со смесью удивления и презрения. Он что, и правда не замечает напряжённой атмосферы между нами?

Вытянув руку, Каша тыкает пальцем в айфон и с интересом смотрит видео. На гладком экране остаётся жирный отпечаток.

– Ого, да ты прямо как прекрасная принцесса, которую поймал прекрасный принц!

– Я не прекрасная принцесса!

– Она не прекрасная принцесса!

Вопим мы с Лерой почти в унисон. Каша, усмехнувшись, пожимает плечами, а Лера вскакивает и хватается со стола телефон.

– Попробуй жевать с закрытым ртом! – рявкает она.

Каша в ответ любезно открывает рот и демонстрирует ей полупережёванное содержимое. Лера кривится от отвращения, и через секунду мы с Кашей остаёмся вдвоём. Думаю, произошедшее идеально описывает фраза «как ветром сдуло».

– Вот скажи мне, ты из этих?

Я поворачиваюсь к Каше:

– Каких?

– Ну типа «я всех ненавижу, мир – говно, сдохните».

– Что? – ошарашенно переспрашиваю я. – Нет, конечно!

– Тогда что это за прикид? Ну, эти твои волосы, шапка, толстовки размера на два больше... Выглядит драматичненько.

Эти слова меня немного задевают. Я и не пыталась произвести впечатление на него или кого-то другого.

– А, понял! – восклицает он, не дождавшись ответа. – Это типа боевой раскраски у животных? Посторонним вход в душу запрещён?

Он замолкает, но только для того, чтобы запихнуть в рот очередную порцию гречки. Затем ещё одну. И ещё. Пауза, пожалуй, затягивается.

– Значит так, – выдаёт он, вежливо рыгнув в кулак. – Сдаётся мне, подруга, твоя очередь начинать светскую беседу. Если ты, конечно, тоже заинтересована в том, чтобы задружиться. Чудикам лучше держаться вместе. Так что давай, спроси меня про погоду или, типа, как мне в новой школе, не нужна ли моральная поддержка. Вдруг я уже успел получить какую-нибудь душевную травму?

Я открываю рот, чтобы выдать гневную тираду в духе «дружба – удел слабаков», но вместо этого сердито ворчу:

– Что за фигня на тебе сегодня?

– Кигуруми, – Каша расплывается в улыбке, а затем, очевидно, вспоминает наш первый разговор и ехидно добавляет. – Погугли.

Я закатываю глаза, а он, воспользовавшись моментом, вонзает вилку в мою сосиску и в два счёта расправляется с ней. Прекрасно. Я опять осталась без обеда!

– Шпашибо, – с набитым ртом благодарит Каша.

С трудом проглотив смешок, я сдержанно улыбаюсь. Пикачу похитил мою сосиску, вызовите санитаров!

– Вы говорили про мистера Совершенство? Поэтому красotka выглядела так, словно готова с визгом вцепиться тебе в волосы?

– Это Лера. А она выглядела?..

– Ещё как. Было бы из-за кого.

Каша пожимает плечами, и, покопавшись в грудe чужих грязных салфеток, выбирает самую чистую, чтобы вытереть руки. Я жду, что он продолжит, но Каша выуживает из кармана телефон и принимается свайпать экран. Я нетерпеливо покашливаю.

– Что такое?

– Тебе не нравится Андрей? Почему?

– Помимо очевидных причин типа «он красивый и богатый, а я нет»?

Я киваю.

– Ну-у-у... А тебя он разве не бесит? Он как дорогой пентхаус в отеле. Красивый, стильный, но без капли индивидуальности. Не, не могу объяснить лучше. Но меня это бесит. Никто не может быть таким глянцевым, если только не живёт на обложке журнала.

– Знаешь, это вовсе неплохо, если человек умеет держать себя в руках.

Каша задумчиво слизывает крупинку гречки с вилки и постукивает ею по губам.

– Вообще-то, если слишком долго держать себя в рамках, можно превратиться в портрет.

Я открываю рот, чтобы яростно возразить, но почему-то не могу найти аргументов, кроме:

– Ты же видел, он меня поймал!

Каша громко хмыкает:

– Знаешь, в чём твоя главная ошибка? Тебе кажется, что он поймал тебя, потому что ты – это ты. А он поймал тебя, потому что он – это он. И вот ещё что: тот, кто дружен со всеми, на самом деле не дружит ни с кем.

Я возмущённо хмурюсь, но вдруг вспоминаю море у Андрея внутри. Разве человек, у которого есть друзья, может быть таким синим? Таким одиноким.

Каша упирается локтями в стол и кладет подбородок на сплетённые в замок пальцы. Вид у него до странности довольный: глаза прищурены, а губы растянуты в широкую улыбку, прямо как у Чеширского Кота.

– Бог с ним, с этим вашим парнем 2D. Что гораздо интереснее, так это то, почему тебя так волнуют мои слова. Ты-то мне нравишься, – он вдруг застывает, словно осененный гениальной догадкой. – Постой-ка, ты... да ты же влюбилась в него! Влюбилась!

– Заткнись! – яростно шиплю я, быстро оглядываясь по сторонам.

– Так значит, я прав? Я прав! Боже, Котлетка и Принц, что за пара!

Каша хохочет, а я с трудом подавляю желание разбить о его голову тарелку.

– По-твоему, это смешно? Настолько нелепо, что... – Горло перехватывает от обиды. Неужели нас и правда так сложно представить вместе? Я знаю, мы, конечно, не пара, но разве это повод вот так надо мной смеяться? И вовсе я в него не влюблена.

Ведь правда же?

Каша перестаёт смеяться и вдруг накрывает своей ладонью мою ладонь. Всё происходит так быстро, что я не успеваю отдёрнуть руку.

– Прости, – говорит он мягко. – Я не хотел тебя обидеть. И мне правда сложно представить вас вместе, но вовсе не из-за того, о чём ты подумала. Я думаю, ты – личность. А он – картонная фигурка.

У раскаяния почти такой же цвет, как у страха и чувства вины – оранжевый. Но тёплый, мягкий, уютный.

– Я не сержусь, – я осторожно высвобождаю пальцы и прячу руки в карманы. – Но ты меня совсем не знаешь. И ещё ты не прав.

Каша закидывает за спину свой джинсовый рюкзак и громко хмыкает:

– Ну-ну...

Мы спешим в класс.

День пролетает в суете. Вот-вот начнутся триместровые каникулы, так что мы пишем контрольную за контрольной, сдаём охапки тестов и носимся по коридорам под окрики учителей «Не бегать!». Я прихожу домой только к четырём часам и без сил падаю на диван перед телевизором. Вот бы заснуть хотя бы на сутки... Тем более мама и Ксю как раз сладко посапывают в родительской спальне: я вижу их силуэты, тесно прижавшиеся друг к другу на кровати. Мама-медведица и медвежонок...

Сон ко мне не идёт. Или это я не иду к нему? Мысли, как муравьи, носятся по тропинкам извилин в мозгу и не дают расслабиться. Я подтягиваю колени к груди и, поколебавшись, обхватываю правое запястье пальцами левой руки. Ничего. Сколько бы я не пробовала, я была и остаюсь единственным человеком, чьи чувства для меня – одна огромная тайна.

Или, может... Может, я просто бесцветная? Скучная, серая и неприметная настолько, что внутри меня вообще никаких красок нет? Но я же чувствую! Просто не могу разобраться, что именно. Кажется, боюсь. Но вот чего и почему?

Я снова тяну себя за чёлку и, растрепав волосы, замираю под синей завесой. Что-то меняется, вот что пугает. Каша, Лера, Андрей... Даже Оксана и Егор! Все они как будто делают шаг в мою сторону, занимают какое-то место внутри. А я этого не хочу. Или хочу? Ох, я не знаю...

Ксю начинает недовольно кряхтеть, и я вынырываю из мыслей. Тихонько захожу в родительскую спальню и уношу сестрёнку, пока мама не проснулась. Прижимаюсь щекой к её нежной щёчке и с наслаждением погружаюсь в покой. Знаю, это немного эгоистично – использовать младшую сестру как антидепрессант, но она, кажется, не против. Ксю играет с синей пряжкой и – ой! – больно дёргает меня за волосы. Я корчу рожицу, и она улыбается. А затем потихоньку засыпает опять.

Проходит минут двадцать, пока из комнаты не выглядывает мама. Её кудрявые волосы смешно сбились на одну сторону, а на щеке остался отпечаток подушки – словно кто-то смял кожу в горсти.

– Не знаешь, кто похитил моего ребёнка?

Мама широко зевает и, шаркая босыми ногами по полу, плетётся к дивану.

– Мне вернуть его обратно? – спрашиваю я шутливо.

– Нет-нет, наслаждайся, – сонно бормочет она, натягивая на плечи плед.

– А как же «вот станешь матерью, тогда и поймёшь»?

– Это не про тебя. Ты и так уже всё понимаешь. Может, даже лучше меня.

Мне почему-то становится грустно. В носу начинает противно пощипывать, а на глаза наворачиваются слёзы. Я отворачиваюсь и утыкаюсь лицом в плечо.

– Ты на меня всё ещё злишься? – тихо спрашивает мама.

– Наверное, нет.

– Саш... Я тебя не понимаю.

– Я знаю.

Мы не смотрим друг на друга, и пропасть между нами как будто растёт. Почему так бывает, что люди любят друг друга, а всё равно не могут понять?

Мама тянется ко мне, но я слегка отодвигаюсь. Незаметно, словно просто пытаюсь устроиться поудобнее. Мамина рука повисает в воздухе, будто сдутый спасательный круг.

– Когда я была в твоём возрасте, мы с подружками столько всего отчебучивали. Меня и дома-то почти не было. Делали стенгазету, ходили на танцы, обсуждали мальчиков, учили друг друга целоваться, хихикали... Мы друг для друга были всем, и это было лучшее время в моей жизни. И я не могу просто смотреть, как ты упускаешь своё.

– Может, я просто другая?

– Но ты же моя дочь. Ты моё продолжение.

И как такие простые слова могут сделать так больно? Может, я не хочу быть чьей-то пятой ногой, пусть даже её. Не хочу быть удобным. Не хочу быть сиквелом к фильму про молодость в восьмидесятых. Не хочу влезать в круглую рамку, стачивая свои собственные углы.

Вот же странно. Получается, я хочу быть собой, хотя пока и сама не знаю, кто я.

Но и делать ей больно тоже не хочу. Я ведь и так ей вру насчёт папы. А теперь, получается, и насчёт себя...

– Я просто хочу, чтобы ты была счастлива, – неловко добавляет мама.

– Знаю.

– Вот и хорошо. Тогда можно... можно мне обнять тебя?

Я смотрю ей в глаза, и что-то в моём взгляде говорит лучше слов. Мамин рот округляется, превращается в обречённую букву «О». Она кивает и отворачивается, а я остаюсь один на один с острым чувством вины.

Ксю просыпается. Мама мгновенно выхватывает её из моих рук и отходит. Я знаю, ей со мной трудно... Она такая открытая, все чувства написаны на лице. А я, скорее, из тех, кто носит доспехи даже в одиночестве. Просто на всякий случай.

Вот и сейчас мамин голос немного дрожит, а спина неестественно прямая. Она сажает Ксю в манеж, повязывает фартук и стягивает волосы смешной детской резинкой с крольчонком.

– Пусть доказательством моей любви к тебе будет шарлотка! Что скажешь? Мы нарежем туда тонну яблок. Где же тут, кхм, где же тут мука...

Она хлопает дверцами, шуршит пакетами и без остановки бормочет что-то про «проклятые поварешки», лишь бы только заглушить тишину между нами.

– Мам... – зову я.

– М?

Она оборачивается.

– Тебе не нужно ничего доказывать. Я тоже тебя люблю.

Мама сжимает губы и смаргивает слёзы. Вытирает глаза плечом. На пол с её рук, будто волшебная пыльца, сыплется белая мука. Но заклинание не срабатывает. Мы обе не знаем, что сказать. Слова, которые должны были сблизить, почему-то ещё больше нас отдалили.

Ксю радостно молотит ладошками по клавишам музыкальной игрушки.

– Давай порежу яблоки! – нарочито бодро предлагаю я.

– Отличная идея! – так же бодро отвечает мама.

– Подать тебе форму? – бодро спрашиваю я.

– Конечно, спасибо! – бодро отвечает мама.

Но чувство неловкости не исчезает. У нас всё валится из рук, а готовый пирог подгорает снизу и остаётся сыроватым внутри. Ксю плачет, я выковыриваю из теста яблоки... К концу вечера мы все выглядим измученными.

Я чувствую взгляды, которые мама бросает на меня. Непонимающие, обиженные... Словно я не выполнила важное обещание или не оправдала её ожиданий. Я и сама знаю, что не оправдала. Проехали.

Когда с работы возвращается папа, я сбегая в комнату под предлогом домашки. На душе тяжело, муторно, гадко... Непропечённый пирог склизким комком оседает в желудке. Я ворочаюсь и ворочаюсь с боку на бок, а голову словно зажали чьи-то огромные челюсти. Стиснут чуть крепче – и точно раскусят напополам...

В конце концов именно головная боль выгоняет меня из комнаты. Раздражённая, сердитая, я крадусь на кухню и тихо выдвигаю ящик с лекарствами. Одной рукой перебираю коробки, а другую прижимаю к виску. Мне плохо. Мне больно! А названия на коробках – чёртов секретный шифр! Мне-то откуда знать, что из этого помогает при головной боли?

Я почти готова закричать. Хочется что-то сломать. Обрушить ящик на пол, растоптать таблетки ногами! Я бы так и сделала, если бы не мама. При мысли о том, как мне придётся ей это объяснять, в животе появляется тяжесть.

От невозможности выплеснуть чувства в клетке рёбер начинает вибрировать тёмное. Внутри меня будто зверь.

Тихо скрипит половица.

– Вы с мамой поссорились?

Только этого не хватало. Я прикрываю глаза, пытаюсь дышать, пытаюсь взять себя в руки. Но папа говорит:

– Тебе нужно больше о ней заботиться. Ей и так тяжело.

И я слетаю с катушек.

Медленно-медленно я закрываю ящик и поворачиваюсь к нему. Папа стоит, привалившись к столу бедром. В хлопковых пижамных штанах и белой футболке. В невидимом целлофане изо лжи.

– Что ты сказал?

Папа хмурится. Брови сходятся в птицу на переносице. В голубых глазах – грозовые тучи. Он складывает руки на груди и чеканит:

– Мне не нравится твой тон.

– Тогда не заговаривай со мной.

Толчок – плечом, шаг – вперёд, грудь – колесом. Он становится передо мной.

– Да что с тобой происходит? Это подростковый возраст? Что-то гормональное? Скажи, запишем тебя к врачу! Или ты просто в какой-то момент решила, что станешь невыносимой? Что это за поведение? Что за дерзость, дурость, протесты... Ну, объясни! Не можешь?

Я сверлю его взглядом. Сжимаю губы. Мы оба молчим.

Ломота в висках становится нестерпимой.

– Саш, – наконец произносит папа со вздохом смирения. – Поговори со мной, а? Что не так? Мы же были друзьями...

Бах! И плотину внутри прорывает. Тёмное с рёвом ломает мне рёбра, затопляет всё внутри, и губы шевелятся:

– Были, – киваю. – Пока ты не изменил моей маме.

Папа вздрагивает. Бросает быстрый взгляд в сторону спальни, и в этот момент я ненавижу его каждым атомом.

– Как ты... – Щёки его бледнеют. Губы сжимаются в нитку. Глаза в замешательстве прыгают с предмета на предмет, кружат вокруг моего лица, но посмотреть прямо не решаются. – Я... Я... – бормочет он.

Вот так! Получай! Я тоже могу сделать больно. На мгновение меня затягивает в водоворот торжества.

– Может, это тебе надо больше о ней заботиться? – язвлю я.

Папа, пошатнувшись, приваливается спиной к холодильнику, а я прохожу мимо. Я не смотрю на него, да и он не пытается меня остановить. Он проиграл, я победила, но радости нет.

Тихо закрываю дверь, чтобы мама не проснулась, и на меня накатывает дурнота. Паника накрывает с головой. Дышать становится труднее, комната расплывается перед глазами, и я словно рассыпаюсь, крошусь, разлетаюсь на тысячу осколков.

И каждый осколок продолжает болеть.

Утром я просыпаюсь с распухшим лицом и головной болью. Дурацкий будильник дремлю вонзается в виски и затылок. Вот бы никуда не идти сегодня... На мгновение эта мысль кажется соблазнительной, а потом я с ужасом представляю, как проведу целый день с мамой. Как целый день буду врать ей... Или хуже того, скажу правду.

Я вскакиваю и иду в ванну. Корчу себе рожу, чтобы отвлечься от мыслей, но они как вода: везде найдут себе щёлку. Ни мой оскал, ни синяки под глазами их не останавливают. И я вспоминаю.

Я узнала случайно, как почти всегда узнают плохое. Мы сидели за столом, ужинали. Всё было как обычно, разве что папа казался немного усталым. Мама громко смеялась, и искры в её глазах согревали всех нас. Я тоже смеялась. Тихонько гудел холодильник, звенела посуда, и бряцали серьги у мамы в ушах.

Папа много шутил. Размахивал руками, жестикулировал и, конечно, смахнул со стола стакан. Я бросилась за тряпкой, а он – собирать осколки. Что-то тогда он смешное сказал, я не помню. Руки случайно соприкоснулись.

Я испугалась. Он весь будто корчился. Вспышки цветов метались в панике, оранжево-бурая жижа болотом засасывала их внутрь себя. Чувство вины. Настолько тяжёлое, сильное, мутное, что я охнула и отшатнулась.

– Порезалась? – В голосе папы были тревога, забота, лю... Много чего. Он протянул мне руку, но я спрятала свою за спину и помотала головой. Мне было больно. Но больно внутри, и осколки стакана тут ни при чём.

А дальше просто. Это несложно, если знать, где искать. То, как он смотрел на маму, то, как всё время прижимал её к себе. То, как оглядывал всех нас больными глазами. Я просто поняла.

Ночью я взяла его телефон и нашла их переписку: это была ошибка, надо прекратить, я женат... Обычные пошлости, какие, наверное, говорят в таких случаях. Я их удалила. Не знаю, что папа подумал об этом, с техникой у него не лады.

Вот и всё.

Я сплёвываю пасту в раковину и умываюсь холодной-холодной водой. Синяя прядка падает на лицо. Я кручу её в пальцах, а затем аккуратно срезаю маникюрными ножницами и смываю в унитаз.

На кухне мама воркует с Ксю, папа как ни в чём не бывало пьёт кофе. А я... я чувствую себя так, словно смотрю на них из какого-то другого, параллельного мира.

Как он может так притворяться...

– Мам, надо поговорить, – произносят мои губы.

Папа замирает. Смотрит на меня в ужасе.

– Что такое? – спрашивает мама с улыбкой. – Будешь овсянку?

Папа встаёт. Тихо скрипит стул, трескается по швам тишина. Мама отводит взгляд и щекочет Ксю. Сестрёнка смеётся. Что-то внутри меня переполняется, и я не могу, не могу, не могу с этим справиться. Папин взгляд умоляет молчать.

– Вы чего? Опять поругались?

Мы с папой смотрим друг на друга.

– Нет, всё хорошо, – медленно говорит он. – Я обещал подвезти Сашку до школы.

Мы идём в коридор, обуваясь. Выходим за дверь, и я опять бегу вниз, перескакиваю через ступеньки, только бы он меня не догнал. Но папа и не пытается. Да и что бы он мог мне сказать? Есть такие поступки, которые не исправить словами.

Ветер на улице пробирает до самых костей. Сентябрь кончается. А вместе с ним и ещё что-то важное – только внутри меня.

– Привет! – радостно говорит Каша, выдёргивая наушники из ушей. Он ждёт у школьных ворот и напоминает дворнягу. Помпон на жёлтой шапке, как хвост, мечется в разные стороны. Ему явно не терпится что-то мне рассказать.

Я прохожу мимо.

– Ау, Саш, ты чего? – недоумённо кричит он мне вслед. – Какая муха тебя...

Я ускоряю шаг и врезаюсь в кого-то плечом.

– Македонская, ты обалдела?

Егор стоит возле лестницы. Коричневая кожаная куртка на нём даже не пытается притворяться новой. Оксана торопливо сбрасывает его руку со своего бедра и отводит глаза. Они оба мне противны.

– С дороги, – цежу я сквозь зубы.

– Чего?

Недоумение превращает лицо Егора в комичную маску. Я, не задерживаясь, взбегаю по лестнице и захожу в школу прежде, чем он успевает очнуться от шока. Чья-то рука ложится мне на плечо. Я разворачиваюсь и, шарахнувшись в сторону, натягиваю рукава толстовки на пальцы.

– Эй, ты в порядке? – спрашивает Андрей. За спиной у него маячит Лера.

– Не трогай меня.

Я не хочу сейчас знать, что он чувствует. Я вообще ничего ни про кого не хочу знать.

– С тобой что-то не так, – Андрей хватается меня за рукав.

Я вырываюсь и толкаю его с такой силой, что кожаная лямка соскальзывает с крепкого плеча, а сумка падает на пол.

– Не трогай! Отстань от меня! Отстаньте все!

– Ты что, больная? – верещит Лера.

Андрей поднимает сумку. Отряхивает её, закидывает на плечо и прячет руки в карманы.

– Как скажешь, – отрывисто говорит он. А потом уходит, расталкивая плечами зевак.

Уходит Лера, уходят все, и я...

Я остаюсь одна.

Глава 5. Только не говори

С колючками вот какое дело. Надеваешь их, словно броню или доспехи, и думаешь, что так тебя не достать. А получается только больней. Как будто колючки врастают в кожу и ранят не только снаружи, но и внутри.

Выходные вязкие, как кисель из уныния. Время едва движется – наверное, оттого что я сама не двигаюсь. Лежу на кровати и пялюсь в стену. К вечеру воскресенья я ощущаю себя такой натянутой и напряжённой, что голова опять начинает болеть. Мама смотрит на меня с опаской, папа отводит взгляд, и даже Ксю предпочитает ползать вокруг по широкой дуге. Но хуже всего то, что завтра придётся опять идти в школу. Ох...

Утром я чувствую себя усталой, избитой и вместе с тем странно смиренной. Будь что будет. У меня больше нет сил переживать.

У школы царит обычная толкотня. Я натягиваю шапку на брови, кутаюсь в джинсовую куртку-оверсайз и угрюмо смотрю под ноги. Только у самых ворот бросаю быстрый взгляд туда, где в пятницу ждал меня Каша. Уф, а он опять там! Снова в наушниках и снова слушает музыку. Одежда на нём на удивление нормальная: синие джинсы и чёрная куртка, из-под которой торчит воротник водолазки. Что, если это из-за меня? Что, если это я убила в нём яркие краски?

Я вздрагиваю от этой мысли и, вздёргнув нос повыше, собираюсь пройти мимо. Вот только ноги будто против воли притормаживают у ворот. Носки моих кедров почти касаются его белых кроссовок.

– Ага, – говорит Каша, выдёргивая наушник. И снова: – Ага, – светло-карие глаза внимательно осматривают меня с головы до ног.

Он ничего больше не говорит, протягивает руку, и я, помедлив, хватаюсь за неё своей. Я так давно ни к кому не прикасалась... Сознательно, сама. Его ладонь тёплая и немного шершавая на ощупь, а цвета... мне хочется плакать оттого, какие они чистые. Они согревают, от них так хорошо, что даже тянет в груди.

Забота – тёплого зелёного цвета, как листья, сквозь которые светят солнечные лучи. В ней всполохами доброта, симпатия, дружелюбие. И только у самого «горизонта» болотная топь обиды и сомнений – коричневая жижа, душевный перегиб.

– Мы идём на литературу? – спрашиваю я.

– Нет, – отвечает Каша, бросив на меня быстрый взгляд из-за плеча. – Мы идём не на литературу.

– А куда?

– В другое место.

Мы даже не переобуваемся и куртки не снимаем. Каша тащит меня за собой по лестнице, и мне становится неловко от того, что он держит меня за руку на глазах у всей школы. Наконец, мы добираемся до третьего этажа и останавливаемся у двери с надписью «Учительская».

– Жди здесь, – бросает Каша.

Он скрывается за дверью, и я опять остаюсь одна. Внутри меня поднимается накипь сомнений. Что вообще происходит? Что и кому он собрался рассказывать в учительской? Спустя пару минут Каша возвращается и тихо закрывает за собой дверь. В проёме мелькает грустное лицо Тора. Он поднимает руку в приветствии, но я не успеваю махнуть в ответ.

Каша снова протягивает ладонь, но на этот раз я засовываю пальцы в карманы и смотрю на него настороженно. Он понимающе усмехается и командует:

– Пошли. Обещаю, тебе понравится.

Мы поднимаемся на четвёртый этаж, проходим мимо кабинета геометрии и останавливаемся перед белой дверью без опознавательных знаков. Каша открывает её ключом, и мы ока-

зываемся в крошечной комнатке без окон, среди ведер и швабр. Эта затея кажется мне всё менее привлекательной, но Каша отпирает решётку в дальнем углу, и я с замиранием сердца понимаю, куда мы идем.

На крышу.

Ветер кулаком ударяет в лицо, и я почему-то смеюсь. Каша смотрит на меня и улыбается, а затем принимается скакать вокруг как сумасшедший. Я сбрасываю рюкзак и скачу вместе с ним. Я прыгаю, я парю, я летаю! Мы ничего не говорим друг другу. Только ветер свистит в ушах, и тихо шуршит под ногами странное чёрное покрытие крыши, похожее на бумажный асфальт.

Я останавливаюсь, только когда понимаю, что плачу. Я вроде бы всё ещё смеюсь, но слёзы текут по щекам, а смех вырывается из груди толчками, словно рыдания. Каша останавливается. Смотрит на меня и тяжело дышит, но не подходит, не пытается обнять. И за это я благодарна ему больше всего на свете. Я плачу, выплёскиваю наружу напряжение, и что-то внутри как будто разжимается. А потом слёзы просто кончаются. Высыхают, как русла ненужных рек.

Каша нашаривает в рюкзаке бутылку с водой и бросает мне:

– Она новая. Я ещё не пил.

Я выпиваю половину, завинчиваю крышку и протягиваю бутылку обратно, но Каша качает головой:

– Оставь себе.

Он садится на небольшое возвышение, похожее на прямоугольный подиум, и хлопает ладонью по свободному месту рядом с собой:

– Садись. Тут какая-то труба внизу проходит или типа того. Короче, тут тепло.

Я сажусь и подтягиваю колени к подбородку. Я опустошена и вместе с тем чувствую себя умиротворённой. Словно место внутри освободилось для чего-то хорошего.

– Хочешь поговорить?

Я отрицательно качаю головой, а потом говорю:

– Мой папа изменяет маме. Я знаю, а она – нет.

– О, – тихо произносит Каша, а затем, спустя некоторое время, добавляет: – Я молчу не потому, что мне типа всё равно. Просто я тщательно подбираю слова. Во-первых, надеюсь, ты не обидишься, но я до усрачки рад, что это не из-за какого-нибудь парня. Я вообще ни черта не понимаю в девушках и ещё меньше в девушках, которые страдают от неразделённой любви. А проблемы с предками... ну это мне знакомо.

Он передёргивает плечами, а я взглядом прошу – продолжай.

– Так я и оказался здесь. Мои развелись, когда мне было два или типа того. Я жил с мамой в Саратове. А этим летом она решила, что я – главная причина, по которой она никак не может найти нового ухажёра. Так что она собрала мои вещички, позвонила отцу и сказала: «Теперь твоя очередь». Словно я что-то типа старого ноутбука или шмотки какой. Ха-ха, чувствую себя ребёнком из секунд-хенда. Теперь я живу с отцом, но мы пока не очень-то ладим. И готовит он просто чудовищно, поэтому я и изображаю саранчу в столовке. Это, конечно, не ресторан, но они хотя бы не добавляют табаско во все свои блюда, включая десерты!

Каша кривится и так похоже изображает пальцами языки пламени, бьющие изо рта, что я смеюсь. Он тоже широко улыбается:

– Вообще он вроде нормальный мужик. Но мы с ним чужие. И как бы он ни старался, все эти годы, что его не было рядом... Они так и остались со мной. Они ко мне приросли. Не знаю, что должно произойти, чтобы я забыл и простил. Может, ему вынести меня на руках из горящего дома? Не знаю. Пока он просто пытается вести со мной дурацкие разговоры. Обычно они начинаются с чего-то типа «А вот интересный факт о Толстом», хотя ни фига этот факт не интересный. Не люблю читать. И это... сама понимаешь. Ещё больше нас отдаляет.

– Почему?

Каша смотрит на меня с любопытством:

– Я думал, ты поняла. Мой отец – Сергей Владимирович, ваш учитель литры. Ну Тор... так вы его называете?

Стоп, что? Каша – сын Тора? КАША – сын Тора?

– Ты бы видела своё лицо, – смеётся Каша, а затем пародирует: – Люк, я твой отец! Ха-ха-ха! Согласен, я не очень-то на него похож. А жаль. Я похож на мать. Она такая же худая и болтливая. Кстати, об этом. Прости. Планировалось, что это ты будешь изливать мне душу, а не наоборот. Хочешь... хочешь поговорить о твоём отце?

Я качаю головой и спрашиваю:

– Это То... Сергей Владимирович дал тебе ключи от крыши? Они хранятся в учительской?

Каша кивает.

– Что ты ему сказал?

– Что мы влюблены и хотим целоваться.

Я вспыхиваю и вскакиваю на ноги, а Каша вскидывает руки вверх, словно при ограблении:

– Шутка! Это шутка! Ты что, совсем шуток не понимаешь? Я сказал, что кое-кому очень нужно побыть одному. Сказал, что ты мой единственный друг в этой школе и всё такое. Ну и поиграл немножко на его чувстве вины. Типа я несчастен и одинок, как какашка в унитазе. Не такими словами, конечно, но... короче, он дал ключ и не поставит прогул за литру.

– А я уже твой друг?

– Кажется, ты им становишься. «Present continuous», иф ю ноу вот ай мин.

Нам, наверное, пора спускаться, но уходить не хочется. Это место точно такое, как я его себе представляла: здесь холодно, пустынно и свободно. Я встаю почти у самого края крыши, но быстро отшатываюсь назад. Высоты я не боюсь, но кто-то может меня увидеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.